Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Успешное покорение мира
Впервые на русском
PREMIUM

Френсис Скотт Фицджеральд

Успешное покорение мира (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564880
Успешное покорение мира. Рассказы: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2013
ISBN 978-5-389-07590-0, 978-5-389-04819-5

Аннотация

Впервые на русском! Третий сборник не опубликованных ранее произведений великого американского писателя!

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века – «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов, из которых на русский язык переводилась лишь небольшая часть. Предлагаемая вашему вниманию книга – уже третья из нескольких запланированных к изданию, после «Новых мелодий печальных оркестров» и «Издержек хорошего воспитания», – призвана исправить это досадное упущение. Итак, впервые на русском – три цикла то смешных, то грустных, но неизменно блестящих историй от признанного мастера тонкого психологизма; историй о трех молодых людях – Бэзиле, Джозефине и Гвен, – которые расстаются с детством и готовятся к успешному покорению мира. И что немаловажно, по-русски они заговорили стараниями блистательной Елены Петровой, чьи переводы Рэя Брэдбери и Джулиана Барнса, Иэна Бэнкса и Кристофера Приста, Шарлотты Роган и Элис Сиболд уже стали классическими.

Содержание

Рассказы о Бэзиле 4
Детский праздник 4
I 4
II 7
III 10
IV 11
Собиратели компромата 13
I 13
II 17
III 19
IV 20
V 22
VI 24
Вечером на ярмарке 26
I 26
II 30
Заносчивый новичок 37
I 37
II 39
III 44
IV 45
V 50
Что он о себе возомнил? 52
I 52
II 53
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Фрэнсис Скотт Фицджеральд Успешное покорение мира. Рассказы

Рассказы о Бэзиле

Детский праздник

I

После домашнего праздника у тротуара поджидали шикарный «стивенс-дюреа» и два «максвелла» тысяча девятьсот девятого года выпуска в компании одинокой «виктории»; мальчишки поглазели, как в «стивенс» усаживалась оживленная стайка девочек, и автомобиль с ревом умчался прочь. Компаниями по трое-четверо все стали разбредаться: одни – с шумливым гомоном, другие – в молчаливой задумчивости. Даже для вечно удивленных десяти-, одиннадцатилетних, которые без устали приспосабливаются к новшествам, чтобы не отстать от жизни, день этот оказался знаменательным.

Так рассуждал Бэзил Дюк Ли, профессиональный актер, а также спортсмен, ученый, филателист и собиратель сигарных колец. Он был в таком приподнятом настроении, что хотел бы на всю жизнь запечатлеть в памяти свой выход из этого дома, близость предзакатного весеннего часа и походку обернувшейся к нему Долли Бартлетт, которая спешила к автомобилю – дерзкая, ликующая, лучезарная.

Новые ощущения немного пугали: оно и понятно, ведь в его жизни только что появилась едва ли не самая мощная побудительная сила. Отныне Бэзил сделался рабом любви, причем не где-нибудь в заоблачных высях, нет: его призвали, обняли, дали причаститься жгучего восторга – и за какой-то час он попал в плен. По дороге домой его занимали два вопроса: сколь долго это продолжалось и выпадет ли еще когда-нибудь на его долю нечто подобное?

Мать встретила на пороге непривычно бледного светловолосого мальчугана с необыкновенно зелеными глазами на тонком, чутком лице. Как настроение? Нормальное. Весело было у Гилрэев? Нормально. А подробнее? Да ничего особенного.

– Давай-ка мы тоже устроим детский праздник, Бэзил, – предложила она. – Тебя уже столько раз приглашали.

– Неохота, мам.

– А ты подумай как следует: десять мальчиков, столько же девочек, мороженое, торт, игры.

– Какие игры? – спросил он, нисколько не потеплев к материнской затее, но машинально ухватившись за это слово.

– Например, карточные фокусы, викторины.

– У них такого не бывает.

– А что бывает?

– Да ничего – просто валяют дурака. Не нужен мне никакой праздник.

Но вдруг скрытые неудобства от возможного появления девочек, от вторжения внешнего мира, без зазрения совести разрушающего фасад его владений, перевесило желание снова оказаться рядом с Долли Бартлетт.

– А мы сможем поиграть одни, без присмотра?

– Хорошо, я вам мешать не стану, – сказала миссис Ли. – Приготовлю, что требуется, и уйду.

– Все так и делают. – Бэзил не забыл, что сегодня рядом с ними все время отсвечивали какие-то важные дамы; просто он не мог представить, что мама будет неотступно стоять над душой.

За ужином эта тема возникла вновь.

– Расскажи папе, чем вы занимались у Гилрэев, – сказала мама. – А то потом забудешь.

– Ничего я не забуду, просто…

– Сдается мне, играли на поцелуйчики, – как ни в чем не бывало предположил мистер Ли.

– Да ну, они там начали глупую игру какую-то, называется «угадай кто», – необдуманно возразил Бэзил.

– Это как?

– Ну, все мальчики по очереди выходят, а потом говорится: есть письмо. Нет, это «почта». В общем, потом входишь и должен угадать, кто тебя вызвал. – Ненавидя себя за предательство собственных чувств, он кое-как закончил: – А потом опускаешься на колени, и, если не угадал, все начинают хлопать и выгоняют тебя из комнаты. Можно мне еще такого соуса?

– А если угадал?

– Ну, как, тогда их обнимаешь, – забормотал Бэзил. Постыдный лепет – а ведь как было чудесно.

– Всех сразу?

– Нет, одну.

– Вот, значит, какой праздник ты хочешь устроить, – неодобрительно выговорила мама. – Ну и ну, Бэзил.

– Ничего я не хочу! – запротестовал он. – Я же не просил.

– Но ты просил, чтобы я ушла из дому.

– Встречал я этого Гилрэя в городе, – высказался мистер Ли. – Заурядный субъект, довольно провинциального вида.

Такое презрение к забавам, которыми во времена Джорджа Вашингтона не гнушались даже в Маунт-Верноне[1], отражало взгляд городских жителей на обычаи сельской Америки. Как и рассчитывал мистер Ли, на сына это подействовало, но совсем не так, как ему бы хотелось. У Бэзила, которому срочно понадобился сговорчивый сообщник, в голове возник образ Джо Шуновера, лишь недавно переехавшего с родителями в город. После ужина он, недолго думая, оседлал велосипед и помчался к дому Джо.

По его плану Джо должен был незамедлительно собрать у себя компанию, причем не для того, чтобы затеять две-три игры с поцелуями, а чтобы эти игры шли сплошной чередой, разве что с небольшими перерывами на угощение. Бэзил обрисовал эту оргию в самых беспощадных, но ярких красках:

– Спокойно выберешь Глэдис. А когда надоест, можешь переключиться на Китти или на любую другую, и пусть она тоже тебя выберет. Прикинь, как здорово!

– А вдруг у тебя перехватят Долли Бартлетт?

– Так уж и перехватят! Не дрейфь.

– Да ты в озере утопишься.

– Вот еще.

– Точно говорю.

---

[1] *Маунт-Вернон* – плантация президента США Джорджа Вашингтона (1732–1799) близ города Александрия в округе Ферфакс, штат Виргиния, на берегу реки Потомак. – *Здесь и далее прим. перев.*

Разговор был вполне конкретный; оставалось только заручиться согласием миссис Шуновер. Бэзил ждал на полутемной улице, пока Джо не вернулся с ответом.

– Мама разрешила.

– А пообещала, что не будет встревать?

– Чего ей встревать? – наивно удивился Джо. – Я рассказал, как мы сегодня бесились, – она только смеется.

Школа, где учился Бэзил, называлась Академией миссис Кэри; там он убивал нескончаемые, уныло-серые часы. Ему не раз приходило в голову, что научиться чему-нибудь дельному тут невозможно, и его досада нередко выплескивалась дерзостью, но в день домашнего праздника у Джо Шуновера он застыл как истукан за своей партой, чтобы только его не трогали.

– Итак, столица Соединенных Штатов – Вашингтон, – диктовала мисс Коул, – столица Канады – Оттава, а столица Центральной Америки…

– Мехико, – предположил кто-то с места.

– Там нет столицы, – само собой вырвалось у Бэзила.

– Ну почему же, должна быть. – Мисс Коул изучала карту.

– Почему-то нет.

– Замолчи, Бэзил. Пишем: столица Центральной Америки – Мехико. Так, остается Южная Америка.

Бэзил вздохнул:

– Какой смысл диктовать то, что неправильно?

Через десять минут, слегка робея, он стоял в директорском кабинете, где против него ополчились все силы несправедливости.

– Твое мнение никого не интересует, – выговаривала миссис Кэри. – Мисс Коул – ваша учительница, а ты ей дерзишь. Придется поставить в известность твоих родителей.

К счастью, отец Бэзила был в отъезде, но мама, получи она донос из школы, точно не отпустила бы его в компанию. С этой безрадостной мыслью он вышел из школьных ворот, но его тут же окликнул Альберт Мур; их матери были близкими подругами, а потому этот мальчишка сейчас представлял нешуточную угрозу.

Альберт стал изгаляться насчет вызова к директрисе и возможных последствий. На это Бэзил указал, что Альберт, в силу того что носит очки, имеет четыре органа зрения. Альберт высказался в плане претензий Бэзила на вселенскую мудрость. Беседу оживляли грубоватые упоминания о перепуганных представителях семейства кошачьих, а также о хронических шизофрениках; вскоре на смену разговорам пришли взмахи рук и подскоки, в результате чего Бэзил по чистой случайности заехал Альберту в нос. Хлынула кровь; Альберт взвыл от ужаса и страданий, решив, что по его желтому галстуку стекают последние жизненные соки.

Бэзил отправился было своей дорогой, но остановился, достал носовой платок, бросил его Альберту, в полном смысле слова распустившему нюни, и заспешил прочь от этой жуткой сцены – проулками, задворками, лишь бы оставить позади свое преступление. Через полчаса он обогнул дом Джо Шуновера, постучался у заднего крыльца и попросил кухарку доложить о его приходе.

– Что такое? – удивился Джо.

– Я еще дома не был. Подрался с Альбертом Муром.

– Ну ты даешь. Он очки снял?

– Нет, а что?

– За избиение очкарика можно в колонию загреметь. Слышь, мы, вообще-то, сейчас обедаем.

Бэзил уныло сидел в переулке на каком-то ящике, пока не прибежал Джо с новостями, достойными близких сумерек.

– Насчет игр на поцелуи – не знаю. Мама говорит, это глупости.

Перед Бэзилом еще маячил призрак исправительной колонии.

– Хоть бы она заболела, – рассеянно пробормотал он.

– Не смей так говорить про мою маму!

– А я что? Я хочу сказать – хоть бы ее сестра заболела, – спохватился Бэзил, – тогда бы твоя мама уехала к ней.

– Да я не против, – задумался Джо, – только чтоб не сильно.

– А в самом деле, нельзя позвонить твоей маме и сказать, что у нее сестра заболела?

– Ее сестра в Тонаванде живет. Если что – прислала бы телеграмму.

– Айда к Толстяку Палмеру – договоримся насчет телеграммы.

Сын квартального дворника, Толстяк Палмер, несколькими годами старше их, был рассыльным на почте; он курил и сквернословил. Доставлять фальшивую телеграмму он наотрез отказался, но за четвертак согласился раздобыть чистый бланк и поручить доставку одной из младших сестренок. Деньги на бочку, авансом.

– Постараюсь достать, – задумчиво сказал Бэзил.

Они поджидали его у многоквартирного дома, до которого было несколько кварталов ходу. Бэзил отсутствовал минут десять, а потом вышел с мученическим видом, раскрыл ладонь, где лежал четвертак, и присел на край тротуара, поджав губы и жестом попросив, чтобы его не трогали.

– Откуда деньги, Бэзил?

– От моей тетки, – с трудом выдавил он и добавил: – За яйцо.

– Да ты что?

– За сырое яйцо.

– Ты яйцами приторговываешь? – стал допытываться Толстяк Палмер. – Послушай, я знаю, где можно доставать…

Бэзил застонал:

– Мне пришлось выпить сырое яйцо. Она помешана на здоровом питании.

– Шальные деньги как с куста, – поразился Толстяк. – Я этих яиц выпил…

– Заткнись! – взмолился Бэзил, но было уже поздно.

Яйцо не пошло впрок – оно было тут же принесено в жертву любви.

II

На бланке Бэзил написал:

Заболела но не сильно выезжай немедленно любящая сестра

К четырем часам Бэзил еще не забыл, что у него, строго говоря, есть родители, но они уже остались далеко в прошлом. Кроме того, он знал, что согрешил, и, пока брел по аллее, безостановочно повторял молитву, надеясь получить в этой жизни прощение за очки Альберта Мура. Остальное можно было отложить до разоблачения, за которое он предпочел бы ответить после смерти.

В четыре часа они с Джо забились в шуноверовский чулан, чтобы хоть на последние тридцать минут скрыться от бдительного ока кухонной прислуги. Миссис Шуновер отсутствовала, гости были на подходе – и тут как по команде одновременно раздались трели дверного и телефонного звонков.

– Пришли, – шепнул Джо.

– Это мои предки, – сразу охрип Бэзил, – скажи, что меня тут нет.

– При чем тут твои предки? Это гости.

– По телефону названивают.

– Вот сам и скажи.

Джо ворвался в кухню:

– Ирма, в дверь звонят – неужели ты не слышишь?

– У меня руки в тесте, у Эсси тоже. Ступай сам открой, Джо.

– Нет, ни за что!

– Тогда пускай обождут. Вы, ребятки, как видно, ходить разучились.

И снова по всему дому настырно разнесся двойной сигнал тревоги.

– Джо, скажи моим родителям, что меня здесь нет, – нервно повторил Бэзил. – Как же я сам скажу, что меня нет? Давай, не тяни. Просто скажи: его тут нет.

– Надо дверь открыть. Ты хочешь, чтобы все разбрелись по домам?

– Нет, не хочу. Но ты просто обязан…

Из кухни, вытирая руки, появилась Ирма.

– Вот тебе и раз! – воскликнула она. – Что ж дверь-то не открыли? Детки сейчас разбегутся.

В смятении оба загалдели наперебой. Ирма волевым решением отдала преимущество телефону.

– Алло, – ответила она. – Уймись, Бэзил, из-за тебя ничего не слышно. Алло, алло… Ну вот, трубку повесили. Ты бы причесался, что ли, Бэзил… а руки-то, руки!

Бэзил бросился к раковине и схватил кусок хозяйственного мыла.

– Где расческа? – заорал он. – Джо, где у тебя расческа?

– Наверху, где ж еще.

С мокрыми руками он помчался наверх по черной лестнице и, увидев себя в зеркале, понял, что выглядит именно так, как только можно выглядеть после скитания по задворкам. Торопливо откопав среди вещей Джо свежую рубашку, он уже принялся ее застегивать – и тут послышался вопль, плывущий вверх от парадной двери:

– Бэзил, ушли! Там никого… все разошлись!

Ошарашенные, мальчики выскочили на крыльцо. В самом конце улицы мелькали две удаляющиеся фигурки. Сложив ладони рупором, Бэзил и Джо стали кричать им вслед. Фигурки остановились, обернулись – и, откуда ни возьмись, рядом возникло множество других; вывернувшая из-за угла «виктория», грохоча по мостовой, подкатила к крыльцу. Праздник начался.

При виде Долли Бартлетт у Бэзила перехватило дыхание; он бы предпочел унести ноги. Это была незнакомка – определенно не та девочка, которую он обнял неделю назад. Перед ним брезжило видение. Прежде он не знал, как она выглядит, и воспринимал ее как воплощение времени или погоды: когда воздух был свеж и прохладен, она была свежестью и прохладой; когда летними вечерами окна домов светились таинственным желтым светом, она и была тайной; когда музыка навевала вдохновение, грусть или радость, она и была сама музыка: «Красное крыло», «Алиса, куда ты идешь?», «Свет серебристой луны».

Более хладнокровный наблюдатель сказал бы, что у Долли по-детски золотистые волосы, заплетенные в тугие косички; лицо правильной формы, милое, как у котенка; ноги либо благовоспитанно скрещены в лодыжках, либо беспрепятственно свисают со стула. В свои десять лет она была такой настоящей, уверенной в себе и подвижной, что о ней грезили многие; те приемы, что вырабатывались многими поколениями – долгий взгляд, след улыбки, сокровенный шепот, нежное прикосновение, – она усвоила раньше положенного срока.

Оглядевшись вместе с другими в поисках хозяйки дома и не найдя никого похожего, Долли бочком прошла в гостиную и присоединилась к возбужденному девичьему хору шепотков и хихиканья. Такой же защитный кружок образовали мальчики, за исключением двух беззастенчивых шкетов лет восьми, которые, воспользовавшись смущением старших, мозолили им глаза, носились по комнате и пронзительно хохотали. Минуты тикали, но

ничего не происходило; Джо и Бэзил переговаривались между собой свистящим шепотом, едва размыкая губы.

– Давай начинай, – бормотал Бэзил.

– Сам придумал – сам и начинай.

– Но компашка-то у тебя собралась. Чем так стоять, лучше сразу по домам разойтись. Скажи: давайте поиграем, а потом выбери себе какую-нибудь и веди в другую комнату.

Джо недоверчиво уставился на него:

– Ты что! Пусть девчонки начинают. Попроси Долли.

– Еще чего.

– Тогда Марту Робби, что ли?

Марта Робби, сорванец в юбке, не внушала им ни страха, ни благоговения; эту можно было попросить о чем угодно, как сестренку.

– Послушай, Марта, скажи девочкам, что сейчас будем играть в почту.

Марта в негодовании отпрянула.

– Ни за что! – сурово отрезала она. – Не буду я им ничего говорить.

В подтверждение своих слов она побежала к девочкам поделиться:

– Долли, угадай, чего хотел Бэзил? Он потребовал, чтобы…

– Замолчи! – не выдержал Бэзил.

– …играть в почту…

– Замолчи! Ничего такого мы не требовали.

В этот миг прибыл кое-кто еще. По ступеням поднималось – не без помощи шофера – инвалидное кресло, а в нем восседал Карпентер Мур, старший брат Альберта Мура, того самого, которому Бэзил утром пустил кровь. На веранде Карпентер отказался от услуг шофера и ловко подкатил к собравшимся, надменно поглядывая сверху вниз. Недуг сделал из него тирана и скандалиста.

– Всем привет, – сказал он. – Джо, приятель, как поживаешь?

В следующий миг он нашел взглядом Бэзила, развернулся и подъехал к нему.

– Ты расквасил нос моему брату, – негромко выговорил он. – Увидишь, что будет, когда моя мать поговорит с твоим отцом.

Выражение его лица сразу переменилось: он засмеялся и как бы в шутку огрел Бэзила тростью.

– А чем вы тут, собственно, занимаетесь? Можно подумать, у каждого кошка сдохла.

– Бэзил хочет поиграть в «угадай кто».

– Ничего подобного, – стал отпираться Бэзил и поспешил добавить: – Это Джо придумал. Для того нас и позвал.

– Неправда! – с жаром воскликнул Джо. – Это все Бэзил.

– Где твоя мать? – обратился Карпентер к Джо. – Она знает, что здесь творится?

Джо попытался выкрутиться:

– Она не возражает… То есть она разрешила играть в любые игры.

Карпентер фыркнул:

– Не может быть. Родители не допускают таких пакостей.

– Я подумал, если просто так, от нечего делать… – слабо забормотал Джо.

– Он подумал, надо же, он подумал! – вскричал Карпентер. – Отвечай: ты когда-нибудь бывал на домашних праздниках?

– Бывал…

– Отвечай: если ты в самом деле бывал на домашних праздниках – в чем я сильно сомневаюсь, – то должен знать, чем там занимаются люди. Приличные люди.

– Слушай, пойди утопись в озере, а?

Все растерялись: эта фраза прозвучала издевкой, потому что Карпентер был парализован от пояса и ниже; он при всем желании не смог бы никуда пойти. Карпентер замахнулся тростью, но тут же одумался, потому что в гостиную вошла миссис Шуновер.

– Во что играем? – мягко спросила она. – В «угадай кто»?

III

Трость Карпентера легла к нему на колени. Он смешался, а некоторые – еще больше. Джо и Бэзил были в полной уверенности, что телеграмма сработала, а теперь оставалось только предположить, что миссис Шуновер их раскусила и вернулась. Но на ее лице не было и следа гнева или тревоги.

Карпентер быстро пришел в себя:

– Да, миссис Шуновер. Мы только начали. Бэзил водит.

– Я уж забыла, как в нее играют, – попросту сказала миссис Шуновер. – Кажется, под музыку? Давайте я буду вам аккомпанировать.

– Отлично! – воскликнул Карпентер. – Пускай теперь Бэзил возьмет подушку и выйдет в коридор.

– Я пас, – быстро отказался Бэзил, чуя подвох. – Пусть кто-нибудь другой водит.

– Тебе водить. – Карпентер был непреклонен. – Сдвигайте все диваны и кресла в один ряд.

Среди тех, кому не понравился такой поворот событий, оказалась и Долли Бартлетт. Она была сконструирована очень хитро, с удивительной способностью пробуждать эмоции, и сейчас весь ее механизм содрогался от вынужденного простоя. Долли чувствовала себя обманутой и обделенной, но всегда могла рассчитывать на появление решительного мужского персонажа. Он в любом случае нашел бы отклик в ее душе, но она не теряла надежды, что им окажется Бэзил, одинокий волк, обладавший в ее глазах романтической притягательностью. Она нехотя заняла место в одном ряду с другими, а миссис Шуновер тем временем стала наигрывать «Каждое движенье – это маленький рассказ».

Когда Бэзила насильно вытолкали в коридор, Карпентер Мур объяснил свою задумку. Пусть сам он никогда в жизни не участвовал в подобных играх, это не мешало ему диктовать правила, и подчас – вот как теперь – весьма своеобразные.

– Мы объявим, что у некой девочки есть письмо для Бэзила, но на какую бы он ни указал, это будет не сама девочка, а ее соседка, понятно? Он встанет перед кем-нибудь на колени или поклонится, а мы скажем: это не она – потому что у нас в уме будет ее соседка, ясно вам? – Он повысил голос. – Входи, Бэзил!

Ответа не было; выглянув в коридор, они обнаружили, что Бэзил исчез. Ни через парадную дверь, ни через черный ход он выскользнуть не мог; все рассыпались по дому – кто в кухню, кто на лестницу, кто в мансарду. В коридоре остался один Карпентер, который на всякий случай прощупывал тростью висевшие в чулане пальто. Вдруг сзади кто-то вцепился в его кресло и мгновенно закатил в чулан. В замочной скважине повернулся ключ.

На мгновение Бэзил застыл, молча торжествуя победу. Спускавшаяся по лестнице Долли Бартлетт просияла при виде его запыленной, зверской физиономии.

– Бэзил, куда ты пропал?

– Не имеет значения. Я слышал, что вы задумали.

– Я тут ни при чем, Бэзил. – Она подошла совсем близко. – Это все Карпентер. По мне, лучше бы поиграли, как обычно.

– Я тебе не верю.

– Честное слово!

В коридоре вдруг стало душно. Долли Бартлетт порывисто раскрыла объятия, они склонились головами навстречу друг дружке – и тут из чулана раздались приглушенные вопли, сопровождаемые дробью ударов в дверь. В тот же миг с лестничной площадки донесся голос Марты Робби.

– Не стесняйся, целуй ее, Бэзил, – язвительно потребовала она. – В жизни не видела более мерзкого зрелища. Я знаю, что сейчас сделаю.

Все сбежались в коридор; Карпентера освободили. И под мотив «Мальчик мой», исполняемый на фортепиано, атака на Бэзила возобновилась. Ведь он поднял руку на инвалида, или, во всяком случае, на инвалидное кресло, и теперь метался по комнате, уворачиваясь от грозной колесницы, которую толкали услужливые приспешники.

У парадного входа было неспокойно. Марта Робби по телефону разыскала свою мать, сидевшую на соседской веранде в компании других матерей. Сообщение Марты сводилось к тому, что все мальчишки лезут обниматься ко всем девочкам, что праздник пущен на самотек, а единственного достойного парня бесчеловечно заперли в чулане. В качестве дополнительной натуралистической подробности Марта указала, что миссис Шуновер даже сейчас бренчит на рояле «Кто нынче целует ее?», а собственное участие в этой оргии объяснила физическим принуждением.

Восемь тревожных каблучков застучали по крыльцу, восемь обеспокоенных глаз пронзили миссис Шуновер, которая прежде встречала этих дам только в церкви. У нее за спиной атака на Бэзила вошла в решающую стадию. Двое мальчиков пытались его скрутить, а он вцепился в трость Карпентера и тем самым намертво приковал эту схватку к инвалидному креслу, которое угрожающе раскачивалось из стороны в сторону, а потом накренилось, завалилось вбок и сбросило Карпентера на пол.

Свидетельницы, в том числе и мать Карпентера, остолбенели. Девочки завизжали, драчуны отскочили назад. И тут случилось непостижимое. Карпентер акробатически выгнулся, достал натренированными руками до кресла, медленно подтянулся и принял вертикальное положение, впервые за пять лет перенеся свой вес на ноги.

Он даже сам этого не понял – в ту минуту мысли его были не о себе. Стоя перед затаившими дыхание зрителями, он взревел:

– Ну все, тебе не жить! – И сделал один нетвердый шаг, а потом и другой в сторону Бэзила.

Миссис Мур с коротким воплем упала без чувств, а комната вдруг содрогнулась от неистовых выкриков:

– Карпентер Мур встал на ноги! Карпентер Мур пошел!

IV

Задворки и кухни, кухни и задворки – таков был в тот день скорбный путь Бэзила. Он смылся от Шуноверов через черный ход, догадавшись, что его не похвалят за чудесное исцеление Карпентера; даже в родительский дом он десять минут спустя вошел через кухню, но перед тем несколько раз, еще в переулке, отбарабанил про себя «Отче наш».

Его встретила кухарка Хелен, принарядившаяся для выхода в город.

– Карпентер Мур пошел своими ногами, – объявил он, чтобы выиграть время. А потом загадочно добавил: – Не представляю, что теперь будет. Ужин готов?

– Ужин на столе, покушаешь сегодня один. Маму твою срочно к тете вызвали, к миссис Лэфам. Тебе записка оставлена.

От такого редкостного везенья у него заколотилось сердце. Поразительно, что мамина сестра занемогла в тот самый день, когда, по их расчетам, должно было пошатнуться здоровье тетки Джо Шуновера.

Сынок,

не хотела тебя оставлять одного, но Шарлотта заболела, и я выезжаю к ней в Локпорт. По ее словам, ничего страшного, но если она прислала телеграмму, значит есть причина. К обеду я тебя не дождалась, но тетя Джорджи, которая едет со мной, сказала, что ты забегал к ней и выпил сырое яичко, так что я за тебя спокойна.

Дальше он читать не стал: до него дошла жуткая истина. Телеграмму доставили не по тому адресу.

– Быстренько садись кушать, а потом я тебя отведу к Мурам, – сказала Хелен. – Мне нужно дом запереть.

– Меня – к Мурам? – ужаснулся он.

Тут зазвонил телефон, и Бэзил приготовился к бегству.

– Это тебя – Долли Бартлетт.

– Что ей надо?

– Откуда ж я знаю?

С опаской он взял трубку.

– Бэзил, сможешь прийти к нам на ужин?

– Что?

– Моя мама тебя приглашает.

В обмен на обещание никогда больше не называть Хелен «скороваркой» он выторговал небольшое изменение маршрута. Похоже, невезенье кончилось. За один день он явил пример дерзости, совершил подлог, обидел слепого и увечного, и кара, похоже, грозила уже в этой жизни. Но пока все отступило на задний план; ведь за один благословенный час могло произойти что угодно.

Собиратели компромата

I

Жаркий майский день клонился к вечеру, и миссис Бакнер решила приготовить для мальчиков кувшин фруктового лимонада, чтобы те не объедались мороженым в кафе при аптекарском магазине. Она принадлежала к тому поколению – ныне удалившемуся на покой, – которому суждено было испытать на себе великий переворот в жизни американской семьи; но в то время она еще полагала, что ее дети относятся к ней так же, как она когда-то относилась к своим родителям; да и то сказать, история эта случилась двадцать с лишним лет назад.

Одни поколения стоят близко к своим потомкам; другие разделяет пропасть, бескрайняя и непреодолимая. Миссис Бакнер – женщина с характером, заметная фигура в светском обществе большого города на Среднем Западе – шла через обширный задний двор с кувшином фруктового напитка и одновременно перемещалась на добрую сотню лет вперед. Мысли ее были бы вполне понятны ее прабабке, а все, что делалось в мансарде над конюшней, было бы одинаково непонятно обеим. Там, где некогда находилась каморка кучера, ее сын с приятелем экспериментировали, можно сказать, вслепую, хотя могли бы валять дурака, как все нормальные мальчишки. Они осуществляли первые пробные комбинации идей и материалов, которые сами шли им в руки; в будущем каждую из таких идей ожидал обычный путь – от гипотезы к открытию и наконец к общеизвестному факту. Когда она их окликнула, мальчики с обезоруживающим спокойствием культивировали те семена, из которых должна была проклюнуться середина двадцатого века.

Рипли Бакнер спустился по приставной лестнице и принял у матери кувшин. Бэзил Дюк Ли, рассеянно взиравший сверху на эту процедуру, сказал:

– Большое спасибо, миссис Бакнер.

– Там у вас не слишком жарко?

– Нет, миссис Бакнер. Все отлично.

Духота стояла неимоверная, но они этого не замечали; каждый, толком не чувствуя жажды, выдул два больших стакана лимонада. Их вниманием полностью завладела извлеченная из тайника под откинутой крышкой люка общая тетрадь в красной коленкоровой обложке. На первой странице было начертано для тех, кто владел тайной симпатических чернил из лимонного сока: «Книга компромата. Составители: Рипли Бакнер-мл. и Бэзил Д. Ли».

В этой тетради фиксировались все известные им отступления от нравственных принципов, допускаемые горожанами. Одни проступки, совершенные в туманном прошлом, трансформировались в городские байки, а в Книгу компромата попали только потому, что были неосторожно эксгумированы домочадцами за семейным столом. Другие грехи, более любопытные, как доказанные, так и неподтвержденные, тянулись за ровесниками и ровесницами авторов. Кое-какие разделы этой части, попадись они на глаза родителям, вызвали бы недоумение; иные – гнев, а три-четыре свежие записи повергли бы ошеломленных родителей в пучину отчаяния и ужаса.

Один из наиболее безобидных пунктов, обоснованность включения которого в этот реестр вызывала определенные сомнения, хотя еще в прошлом году авторы были неприятно поражены своим открытием, звучал так: «Элвуд Лиминг три или четыре раза ходил на канкан в кабаре „Звезда“».

Другая запись, видимо наиболее ценимая ими за уникальность, гласила, что «Х. П. Крамнер в Новой Англии попался на воровстве и вынужденно переехал сюда, чтобы не угодить за решетку»; а ведь почтенный Х. П. Крамнер был теперь одним из столпов общества.

Единственный недостаток этой книги заключался в том, что ею можно было наслаждаться лишь посредством воображения, поскольку невидимые чернила не выдавали тайн до того момента, когда нужную страницу поднесут к огню для проявления записей. Чтобы отличить исписанные страницы, требовалась изрядная сосредоточенность; как-то раз по недосмотру довольно тяжкое обвинение против одной парочки было записано поверх констатации того печального факта, что миссис Р. Б. Кэри страдает чахоткой, а ее сын, Уолтер Кэри, вылетел из школы «Полинг». Строго говоря, записи велись не ради шантажа. Они копились на тот случай, если упомянутые в них персонажи вздумают наезжать на Бэзила или Рипли. Эта книга давала ощущение власти. Например, Бэзил ни разу не заметил, чтобы мистер Х. П. Крамнер сделал хоть один угрожающий жест в его сторону, но покажи он хоть намеком, что собирается наехать на Бэзила, – и запись тут же пошла бы в ход.

Здесь справедливости ради нужно заметить, что тетрадь эта в рассказе больше не появится. Через много лет сторож найдет ее под крышкой люка и, не увидев записей, отнесет своей дочурке; таким образом, грехи Элвуда Лиминга и Х. П. Крамнера обретут вечный покой под Геттисбергским обращением Линкольна, старательно переписанным девочкой.

Идея создания книги принадлежала Бэзилу. У него лучше работало воображение, да и во многом другом он был впереди. Темноволосый четырнадцатилетний подросток, с блеском в глазах, пока еще невысокого роста, в школе он считался способным, но ленивым. Его любимым литературным персонажем был Арсен Люпен, благородный грабитель, романтический герой, недавно завезенный из Европы и наделавший много шуму в течение первых скучающих десятилетий века.

Рипли Бакнер, тоже не выросший из коротких штанов, вносил в партнерство трезвую, практическую ноту. Ум его срабатывал от воображения Бэзила, как от детонатора; на любые, самые фантастические задумки он моментально отзывался: «А чего, нормально!» Их сдружила игра в третьей бейсбольной команде школы: один был подающим, другой – принимающим; после провального апрельского сезона команду распустили, но они по-прежнему держались вместе и целенаправленно строили свою жизнь так, чтобы дать выход мистической энергии, бродившей у них в крови. В тайнике под крышкой люка хранились шляпы с опущенными полями, ковбойские платки, игральные кости со свинчаткой для шулерской игры, одинокий наручник, веревочная лестница тонкого плетения – для бегства через заднее окошко, выходившее в переулок, и коробка с гримировальными принадлежностями, в которой лежали два облезлых театральных парика и различные накладки из волос на случай каких-нибудь противоправных деяний.

Допив лимонад, они закурили по сигарете «Хоумран»[2] и пустились в неспешные рассуждения на такие темы, как преступность, профессиональный бейсбол, секс и местное акционерное общество. Беседу прервали шаги и знакомые голоса, доносившиеся из прилегающего переулка.

Они произвели рекогносцировку из окна. Голоса принадлежали Маргарет Торренс, Имоджен Биссел и Конни Дэвис, которые решили срезать путь от заднего двора Имоджен до конца квартала, где находился дом Конни. Эти юные леди, тринадцати, двенадцати и тринадцати лет соответственно, полагали, что их никто не видит, поскольку в такт своему маршу

[2] «*Хоумран*» (Homerun) – крепкие американские сигареты, выпускавшиеся с конца XIX в. вплоть до начала 1970-х гг. Название этого сорта сигарет представляет собой бейсбольный термин: удар, при котором мяч перелетает через все игровое поле. На пачке сигарет «Хоумран» изображались два бейсболиста: кэтчер (принимающий) и питчер (подающий).

они смешливо-приглушенно распевали довольно рискованную переделку известной песни «Клементина», а в финале совсем распоясались: «*Блевон*-тина, *Блевон*-тина…»

Бэзил и Рипли разом высунулись из окна, но, вспомнив, что на них одни майки, спрятались за подоконник.

– Мы все слышали! – хором закричали они.

Девочки остановились и расхохотались. Маргарет Торренс с преувеличенным усердием задвигала челюстями, показывая, что у нее во рту жевательная резинка, причем не случайно. Бэзил сразу догадался.

– Где взяли? – уточнил он.

– У Имоджен дома.

Девочки поживились сигаретами миссис Биссел. Это указывало на бесшабашность их настроения, которая зацепила и взбудоражила обоих мальчиков, и они продолжили разговор. Конни Дэвис была девушкой Рипли, когда они занимались в танцевальной школе; Маргарет Торренс сыграла определенную роль в недавнем прошлом Бэзила; Имоджен Биссел только что вернулась из Европы, проведя там целый год. За весь последний месяц ни Бэзил, ни Рипли не вспоминали о девочках, а теперь, встряхнувшись, осознали, что центр вселенной внезапно переместился из тайной комнаты к девичьей стайке за окном.

– Поднимайтесь к нам, – предложили они.

– Лучше вы спускайтесь. Приходите во двор к Уортонам.

– Сейчас придем.

Чуть не забыв спрятать Книгу компромата и коробку с маскировочными принадлежностями, мальчики заторопились на улицу, оседлали велосипеды и покатили по переулку.

Дети Уортонов давно выросли, но этот двор по-прежнему оставался одним из тех заколдованных мест, которые в послеобеденные часы притягивают к себе молодежь. У него была масса преимуществ. На большую площадку, открытую с обеих сторон, можно было заехать с улицы на роликах или на велосипеде. Там были подвесные качели, старенькая доска, уравновешенная посередине, и пара гимнастических колец; но двор этот стал местом встреч задолго до установки инвентаря, потому что над ним витал дух детства, который побуждает юных сбиваться тесной стайкой на неудобных ступенях и сбегать из приятельских домов, чтобы собраться «у людей, которых никто не знает». Но тенистый уортоновский двор издавна устраивал всех; там цвели какие-то непонятные растения; собаки не бросались на людей, а газон пестрел бурыми проплешинами от бесконечного кружения колес и шарканья ног. В паре сотен футов, под обрывом, прозябали в ужасающей нищете «ирландишки» – это было всего лишь прозвище, ибо в последнее время там селились исключительно выходцы из Скандинавии; когда другие забавы прискучивали, достаточно было пары выкриков, чтобы их шайка начала карабкаться по склону, а дальше можно было либо принять бой, имея численный перевес, либо разбежаться по своим уютным норам, если дело принимало скверный оборот.

Было пять часов вечера, и перед ужином во дворе собралась маленькая компания – тише и романтичней этого времени суток бывали только летние сумерки. Бэзил и Рипли рассеянно крутили педали, то исчезая за деревьями, то выныривая на свет, и время от времени останавливались, положив руку на чье-нибудь плечо и ладонью прикрывая глаза от слепящего вечернего солнца, – оно, как сама юность, всегда бывает слишком ярким, чтобы смотреть не отрываясь, но, если чуть затенить прямые лучи, можно любоваться сиянием хоть до самого заката.

Лениво гарцуя на одном колесе, Бэзил подкатил к Имоджен Биссел. Должно быть, что-то в его лице привлекло ее, поскольку она посмотрела на него снизу вверх, посмотрела по-настоящему, и медленно улыбнулась. Она обещала через несколько лет стать настоящей красавицей, королевой выпускных балов. Сейчас ее большие карие глаза, крупный, прелестно

очерченный рот и яркий румянец на узких скулах делали ее похожей на эльфа и раздражали тех, кто хотел, чтобы дети выглядели по-детски. Впервые в жизни он понял, что девочка – существо совершенно противоположное и в то же время неотъемлемое от него самого, и ощутил теплый холодок удовольствия, смешанного со страданием. Это было вполне определенное ощущение, и он тут же его для себя отметил. Внезапно Имоджен вобрала в себя весь этот летний вечер – ласковый воздух, тенистые кустарники, цветочные клумбы, оранжевый солнечный свет, голоса и смех, бренчание далекого рояля; вкус этих примет соединился с обликом Имоджен, улыбавшейся ему снизу вверх.

Это было уже слишком. Бэзил отмахнулся от этого наваждения, не сумев им воспользоваться, пока не переварил его в одиночестве. Он стремительно кружил на велосипеде по двору и, проезжая мимо Имоджен, отводил глаза. Через некоторое время он вернулся к ней и предложил проводить до дому, но оказалось, что тот волшебный миг не произвел на нее никакого впечатления, а может, и вовсе пролетел незамеченным: она немного удивилась. Они двинулись по улице; Бэзил шел рядом с Имоджен и катил свой велосипед.

– Выйдешь сегодня вечером? – с жаром спросил он. – На уортоновском дворе наверняка соберется компания.

– Если мама разрешит.

– Я тебе позвоню. Без тебя я тоже не пойду.

– Почему это? – Она снова улыбнулась, придав ему храбрости.

– Не хочу.

– Да почему же?

– Скажи, – выпалил он, – кто из мальчиков нравится тебе больше, чем я?

– Никто мне не нравится. Только ты и Хьюберт Блэр.

Бэзил даже не приревновал, когда его имя поставили в один ряд с чужим. Кто заглядывал в девичьи сердца, тому поневоле приходилось философски относиться к существованию Хьюберта Блэра.

– А ты мне нравишься больше всех, – пылко признался он.

Розовое в яблоках небо давило невыносимой тяжестью. Бэзил все глубже погружался в атмосферу неизъяснимого очарования, и в крови у него бурлили теплые токи, с которыми вся его жизнь рекой стремилась теперь к этой девочке.

Они дошли до боковой двери ее дома.

– Зайдешь, Бэзил?

– Нет.

Он тут же понял, что сглупил, но слово уже вылетело. Неосязаемое мгновение было упущено. И все же он медлил.

– Хочешь, я тебе подарю свое школьное кольцо?

– Давай, если ты сам этого хочешь.

– Прямо сегодня вечером и принесу. – Слегка дрогнувшим голосом он добавил: – Только в обмен.

– На что?

– На кое-что.

– На что? – Ее щеки порозовели: она поняла.

– Сама знаешь. Договорились?

Имоджен беспокойно огляделась по сторонам. В медово-сладостной тишине, сгустившейся над крыльцом, Бэзил задержал дыхание.

– Ты невыносим, – прошептала она. – Может быть… До свидания.

II

Настало лучшее время дня; Бэзил был неимоверно счастлив. Этим летом он собирался на озера с матерью и сестрой, а осенью уезжал учиться. После этого – прямая дорога в Йель[3], а там и в большой спорт, и в том случае, если обе мечты пересекутся во времени, а не пойдут параллельными курсами, можно будет заделаться благородным грабителем. Все шло прекрасно. Нужно было обдумать столько заманчивых перспектив, что он даже не сразу засыпал по ночам.

Его нисколько не отвлекало, а, наоборот, подбадривало, что сейчас он без ума от Имоджен Биссел. Чувство пока еще не окрасилось горечью, а лишь наполняло его ярким, кипучим волнением и манило сквозь майские сумерки во двор к Уортонам.

Бэзил приоделся: белые парусиновые бриджи, перехваченная поясом свободная куртка цвета соли с перцем, рубашка с высоким воротничком и серый вязаный галстук. Его черные волосы влажно блестели, а невысокая фигура смотрелась хоть куда – так он и пришел на знакомую, но теперь заколдованную лужайку и в наступающих сумерках влился в общий гомон. Во дворе было три или четыре девочки, жившие по соседству, и почти в два раза больше мальчиков; а чуть поодаль компания ребят постарше украшала собой боковую веранду на фоне освещенных окон, время от времени одаривая и без того переполненный вечер таинственными бубенчиками смеха.

Переходя от одной темной группы к другой, Бэзил убедился, что Имоджен еще не пришла. Отыскав Маргарет Торренс, он отвел ее в сторону и как бы невзначай спросил:

– У тебя сохранилось мое старое кольцо?

Целый год в танцевальной школе Маргарет была его девушкой; в подтверждение этого факта он пригласил ее на кадриль, которой закрывался сезон. Их роман сошел на нет сам собой, и тем не менее такой вопрос не отличался дипломатичностью.

– Где-то валяется, – беспечно ответила Маргарет. – А что? Хочешь забрать его назад?

– Вроде того.

– Да пожалуйста. Мне оно и раньше ни к чему было. Ты мне его насильно всучил, Бэзил. Завтра же верну.

– А сегодня вечером нельзя? – У него екнуло сердце при виде маленькой фигурки, входящей через задние ворота. – Мне бы сегодня нужно.

– Как скажешь, Бэзил.

Она побежала через дорогу к своему дому, и Бэзил последовал за ней. На веранде сидели мистер и миссис Торренс; пока Маргарет ходила наверх за кольцом, он еле сдерживал нетерпеливое возбуждение, отвечая на вопросы – например, о здоровье родных, – лишенные в глазах молодежи всякого смысла. Вдруг он оцепенел, осекся на полуслове и уставился на картину, которая разворачивалась на тротуаре.

В дальнем сумрачном конце улицы появился быстрый, почти летящий силуэт и поплыл к освещенному фонарем пятачку перед домом Уортонов. Силуэт выписывал геометрические рисунки: вот он исчез, чиркнув рамой коньков по тротуару и оставив за собой сноп искр, вот чудесным образом заскользил назад, описал головокружительную кривую на одной ноге, изящно поджав другую, и дождался, чтобы группки ребят выдвинулись из темноты на освещенный тротуар. У Бэзила вырвался сдавленный стон: до него дошло, что из всех вечеров Хьюберт Блэр выбрал для своего появления именно этот.

---

[3] *Йель* – частный университет в США, созданный в 1701 г. на базе третьего из девяти колониальных колледжей, основанных до Войны за независимость. Йель находится в Нью-Хейвене, одном из старейших городов Новой Англии, в штате Коннектикут. Йель включает двенадцать подразделений: это Йельский колледж, дающий общее четырехлетнее образование и степень бакалавра, аспирантура по различным направлениям, а также десять специализированных факультетов.

– Стало быть, летом вы едете на озера, Бэзил. Вы сняли домик?

До Бэзила не сразу дошло, что мистер Торренс задает этот вопрос в третий раз.

– Да-да, сэр, – ответил он. – То есть нет. Мы остановимся в клубной гостинице.

– Ну разве не чудесно? – вставила миссис Торренс.

На другой стороне улицы под фонарем стояла Имоджен, а перед ней кружил Хьюберт Блэр в лихо заломленном кепи. Бэзил содрогнулся, слыша его самодовольные смешки. Он даже не заметил, как рядом с ним очутилась Маргарет, которая сунула ему в ладонь кольцо, как фальшивый грош. Он выдавил учтивое прощание в адрес родителей Маргарет и, слабея от дурного предчувствия, поплелся обратно.

Затаившись в темноте, он впился глазами не в Имоджен, а в Хьюберта Блэра. Вне сомнения, было в нем что-то особенное. По мнению подростков младше пятнадцати лет, о красоте нужно судить по форме носа. Родители могут сколько угодно твердить про чудесный разрез глаз, блестящие волосы, здоровый цвет лица, но подростки обращают внимание на нос и его сочетание с овалом лица. Над гибким, стильным, накачанным торсом Хьюберта Блэра круглела совершенно заурядная физиономия, но зато на ней был изваян пикантный вздернутый нос, не хуже, чем у девушек Гаррисона Фишера[4].

Он был самоуверен; его индивидуальность не омрачали сомнения или перепады настроений. Танцевальную школу он не посещал – его родители переехали в этот город всего год назад, – но уже стал легендой. Мальчишки его недолюбливали, но отдавали должное его выдающимся спортивным талантам, зато для девочек все его движения, его дурачества, даже его безразличие служили источником безмерного восхищения. Бэзил не раз убеждался в этом сам; сейчас удручающая комедия разыгрывалась заново.

Хьюберт отстегнул роликовые коньки, скатил один из них по руке от плеча до ладони и поймал за ремешок, не дав ему грохнуться на тротуар; он сдернул бант с головы Имоджен, отбежал с ним в сторону и ловко уворачивался, когда она, хохоча и млея от восторга, гонялась за ним по двору. Выставив одну ступню вперед, он сделал вид, что хочет облокотиться о дерево, но специально промахнулся и грациозно восстановил равновесие. Сначала мальчишки взирали на него без интереса. Потом они тоже зашевелились, стали выкидывать разные коленца, какие только приходили им в голову, и очень скоро компания, сидевшая на крыльце, повытягивала шеи, удивленная неожиданным всплеском активности. Но Хьюберт не стал закреплять свой успех. Он взял у Имоджен шляпку и принялся нахлобучивать ее так и этак. Имоджен и другие девочки просто зашлись от восторга.

Не в силах далее выносить этот тошнотворный спектакль, Бэзил подошел к ребятам и самым небрежным тоном, на какой оказался способен, бросил: «Эй, салют, Хьюб».

– А, здоро́во, Бэзил, старый… старый Ли-Нос-До-Земли, – отозвался Хьюберт и нацепил шляпку на другой манер, да так, что даже Бэзил невольно фыркнул.

«Ли-Нос-До-Земли, Ли-Нос-До-Земли», – кругами разнеслось по двору. К своей досаде, Бэзил различил в нестройном хоре голос Рипли.

– Хьюб-Туп-Как-Дуб, – быстро нашелся Бэзил; из-за дурного настроения получилось как-то смазанно, хотя кое-кто из мальчишек со смаком повторил и такую шутку.

Бэзила охватило уныние, и образ Имоджен в густых сумерках обрел новое очарование недосягаемости. В душе романтик, он с помощью воображения уже щедро наделил ее множеством достоинств. Сейчас он ненавидел ее за равнодушие, но упрямо торчал рядом, лелея тщетную надежду вернуть себе хотя бы тень того исступленного восторга, который был так бездумно растрачен днем.

---

[4] *Гаррисон Фишер* (1875–1934) – успешный американский коммерческий художник и иллюстратор. Созданные им образы девушек из высшего света считались эталоном американской красоты.

С наигранным оживлением Бэзил обратился к Маргарет, но та не отреагировала. Из темноты уже донесся родительский голос, звавший кого-то домой. Бэзила охватила паника; благословенный летний вечер почти окончился. Когда ребята расступились, чтобы пропустить прохожих, он неохотным маневром отвел Имоджен в сторону.

– Я принес, – шепнул он. – Вот. Можно тебя проводить?

Она рассеянно взглянула на Бэзила. Ее ладонь механически сжала кольцо.

– Что? Вообще-то, я уже пообещала Хьюберту. – Увидев выражение его лица, она опомнилась и добавила голосу нотку негодования: – Когда я заходила во двор, ты куда-то убегал с Маргарет Торренс.

– Неправда. Я за кольцом ходил.

– Нет, правда! Я вас видела!

Она перевела взгляд на Хьюберта Блэра. Тот снова надел ролики и теперь совершал ритмичные подскоки и вращения, словно шаман африканского племени, неспешно вводящий в транс своих соплеменников. Бэзил еще что-то объяснял и доказывал, но Имоджен повернулась, чтобы уйти. Он беспомощно поплелся за ней. Из темноты ребят уже звали по домам; со всех сторон слышались неохотные ответы:

– Уже иду, мам!

– Сейчас, мама!

– Мама, можно еще пять минут?

– Мне надо бежать! – вскрикнула Имоджен. – Уже почти девять.

Помахав рукой и рассеянно улыбнувшись Бэзилу, она пошла по улице. Хьюберт так и вился вокруг нее, выписывая замысловатые коленца.

До Бэзила не сразу дошло, что к нему обращается другая юная леди.

– Что-что? – рассеянно переспросил он.

– Хьюберт Блэр – самый классный мальчик в городе, а ты – надутый индюк, – с глубокой убежденностью повторила Маргарет Торренс.

Он воззрился на нее со страдальческим изумлением. Маргарет наморщила носик и понесла свою персону через дорогу, на строгий родительский зов. Пока Бэзил тупо таращился ей вслед, а потом смотрел, как исчезают за углом силуэты Имоджен и Хьюберта, в раскаленном небе раздался глухой раскат грома, и минуту спустя первая капля дождя, пробившись через освещенную фонарем листву, плюхнулась рядом с ним на тротуар. Этому дню суждено было закончиться ливнем.

III

Дождь обрушился стеной, и Бэзил промок до нитки, пока мчался до своего дома ни много ни мало восемь кварталов. Но перемена погоды отозвалась у него в его сердце, и он, мчась вприпрыжку, глотал дождь и вопил: «Йо-о-о!» – как будто сроднился с яростным неистовством тьмы. Имоджен была сметена, смыта, как дневная пыль с мостовой. Ее красота снова напомнит ему о себе при тихой погоде, но сейчас, в грозу, он был наедине с собой. Внутри вскипало ощущение необычайного могущества, его бы даже не удивило, оторвись он сейчас от земли после очередного безумного прыжка. Одинокий волк, непостижимый и дикий; ночной скиталец, демонический и свободный. Только когда он добрался до дому, его чувства стали оборачиваться – рассудочно и почти бесстрастно – против Хьюберта Блэра.

Переодевшись в пижаму и халат, Бэзил спустился в кухню, где обнаружил свежевыпеченный шоколадный торт. Он умял добрую четверть и выдул почти целую бутылку молока. Эмоции слегка улеглись, и он набрал номер Рипли Бакнера.

– У меня есть план, – заявил он.

– Насчет чего?

– Как проучить Х. Б. силами С. К.

Рипли мгновенно понял, что к чему. В тот вечер Хьюберт был так неблагоразумен, что оттянул на себя внимание не только мисс Биссел, но и других девочек.

– Придется взять на дело Билла Кампфа, – сказал Бэзил.

– А чего, нормально.

– Увидимся завтра на переменке… Спокойной ночи!

IV

Прошло четыре дня; мистер и миссис Джордж П. Блэр заканчивали ужин, и тут Хьюберта позвали к телефону. Воспользовавшись его отсутствием, миссис Блэр поделилась с мужем мыслями, которые весь день не давали ей покоя.

– Джордж, эти мальчишки – а может, кто еще – вчера вечером приходили снова.

Он нахмурился:

– Ты их видела?

– Хильда видела. Она почти изловила одного из них. Видишь ли, я рассказала ей о записке, которую они подбросили во вторник, – «Первое предупреждение, С. К.», – поэтому она была настороже. На этот раз они позвонили в дверь черного хода, и Хильда сразу открыла – она как раз мыла посуду. Если бы не мыльные руки, она бы точно его поймала, а так схватила, когда он вручал ей записку, но руки были скользкие, и он вывернулся.

– Как он выглядел?

– Она сказала, что это мог быть карлик, но, по ее мнению, это был загримированный мальчишка. Выскользнул совсем по-мальчишески, и ей показалось, что на нем были короткие брюки. Новая записка похожа на первую: «Второе предупреждение, С. К.».

– Если она у тебя, я после ужина взгляну.

Поговорив по телефону, Хьюберт вернулся обратно.

– Звонила Имоджен Биссел, – сообщил он. – Приглашает меня в гости. Сегодня у нее собирается компания.

– Хьюберт, – обратился к нему отец, – ты знаешь какого-нибудь мальчика с инициалами С. К.?

– Нет, сэр.

– Ты хорошо подумал?

– Ну конечно. У меня был знакомый парень – Сэм Кроу, но я его уже год не видел.

– Кто он такой?

– Хулиганистый парень. Мы с ним в сорок четвертой школе вместе учились.

– У него был на тебя зуб?

– Вряд ли.

– Как ты думаешь, кто может заниматься такими пакостями? Припомни, возможно, у кого-нибудь все же есть на тебя зуб?

– Не знаю, папа, вряд ли.

– Не нравятся мне такие дела, – задумчиво протянул мистер Блэр. – Допускаю, что это просто детские шалости, но ведь может оказаться…

Он не договорил. А позднее внимательно изучил записку. Красные чернила, в углу – череп и кости, но текст написан печатными буквами, а это ничего не проясняло.

Между тем Хьюберт поцеловал маму и, лихо заломив кепи, вышел через кухню на крыльцо черного хода, чтобы, как обычно, срезать путь. Ярко светила луна, и он поставил ногу на приступку, чтобы завязать шнурок. Знай он, что недавний телефонный звонок был приманкой, что звонили не из дома Имоджен Биссел, что голос на самом деле принадлежал вовсе не девочке, а по переулку прямо за его воротами украдкой движутся нелепые тени, он

бы не стал с таким изяществом сбегать по ступенькам, держа руки в карманах, и насвистывать первые такты мелодии «Гризли-бэар», таявшие в обманчиво приветливом воздухе.

В переулке его свист вызвал неоднозначные чувства. Бэзил чуть раньше, чем следовало, сделал телефонный звонок бойким, убедительным фальцетом, и, хотя Собиратели Компромата спешили, подготовка еще не была завершена. Они разделились. Бэзил, в облике южанина-плантатора старого образца, стоял прямо за калиткой Блэров; Билл Кампф, с длинными балканскими усами, примотанными проволокой к носу, уже крался в темноте вдоль забора; а Рипли Бакнер, с окладистой, как у раввина, бородой, задерживался на отдалении в сотню футов, поскольку веревка, которую он пытался смотать, оказалась очень длинной. Веревка была важнейшей частью их плана: после долгих раздумий они уже решили, как поступить с Хьюбертом Блэром. Они собирались его связать, заткнуть рот кляпом и затолкать в мусорный бак прямо у дома.

Поначалу эта идея привела их в ужас: его одежда будет безнадежно испорчена, сам он вывозится в отбросах и, чего доброго, задохнется. На самом деле мусорный бак, символ всего самого отвратительного, победил только потому, что по сравнению с этим планом другие казались беззубыми. Тут же нашлась масса аргументов за: одежду нетрудно почистить, в отбросах ему самое место, а крышку бака можно оставить открытой, чтобы обеспечить доступ воздуха. Для сравнения они проинспектировали мусорный бак у дома Рипли, заглянули внутрь и с интересом представили себе Хьюберта среди объедков и яичной скорлупы. Наконец двое из них решительно выкинули это видение из головы и сосредоточились на том, как выманить его на улицу и каким образом скрутить.

Веселый свист Хьюберта застал их врасплох, и все трое оцепенели, не имея возможности перекинуться словом. В мозгу Бэзила молнией пронеслось: надумай он броситься на Хьюберта без помощи Рипли, державшего наготове кляп, вопли Хьюберта, чего доброго, привлекут великаншу-кухарку, которая едва не сграбастала его вчера вечером. Эта мысль подорвала его решимость. В этот миг Хьюберт распахнул калитку и вышел в переулок.

Выпучив глаза, они застыли на расстоянии каких-то пяти футов друг от друга, и тут Бэзил сделал поразительное открытие. Он обнаружил, что Хьюберт Блэр, подобно другим знакомым ребятам, не вызывает у него неприязни. У Бэзила пропало всякое желание применять силу и запихивать Хьюберта Блэра в мусорный бак вместе с его забавной кепочкой и прочим. Он уже готов был драться, чтобы такого не допустить. Когда его мозг под влиянием момента проникся этой неуместной мыслью, Бэзил развернулся, выскочил из переулка и рванул вдоль по улице.

При виде призрака Хьюберт на миг оторопел, но, когда призрак развернулся и дал деру, он воспрянул духом и пустился в погоню. Не преуспев, он ярдов через пятьдесят решил бросить эту затею, вернулся в переулок – и очутился лицом к лицу еще с одним приземистым, обросшим незнакомцем.

Билл Кампф, имея более простую душевную организацию, нежели Бэзил, не терзался сомнениями. Коль скоро было решено засунуть Хьюберта в мусорный бак, в голове у него сложилась определенная схема, которой он намеревался следовать, хотя и не имел ничего против Хьюберта. По природе он был мужчиной, то есть охотником, и, почуяв добычу, преследовал ее до победного конца, не зная угрызений совести.

Но необъяснимое бегство Бэзила заставило его предположить, что Хьюберт вышел вместе с отцом, а потому Билл Кампф тоже развернулся кругом и помчался по переулку. Вскоре он наткнулся на Рипли Бакнера, который без лишних расспросов о причинах такой поспешности с энтузиазмом присоединился к нему. От неожиданности Хьюберт опять пустился вдогонку. Очень скоро, раз и навсегда махнув рукой на это занятие, он на той же скорости вернулся домой.

Тем временем Бэзил сообразил, что его никто не преследует, и вернулся в переулок, держась в темноте. Страха не было – была лишь полная неспособность к действию. Переулок опустел: ни Билла, ни Рипли. Зато он увидел, как мистер Блэр подошел к задней калитке, открыл ее и, посмотрев направо и налево, вернулся в дом. Бэзил подкрался ближе. Кухня гудела: голос Хьюберта, пронзительный и хвастливый, сменялся испуганными причитаниями миссис Блэр, а две служанки-шведки покатывались от безудержного хохота. И тут через распахнутое окно он услышал, как мистер Блэр говорит по телефону:

– Соедините меня с начальником полиции… Это Джордж П. Блэр… Шеф, здесь орудует шайка хулиганов, которые…

Бэзила как ветром сдуло – он припустил во весь дух, на бегу срывая конфедератские бакенбарды.

V

Имоджен Биссел, которой недавно исполнилось тринадцать, не привыкла к вечерним посетителям. Она уныло коротала вечер в одиночестве, проверяя счета за месяц, разбросанные на мамином столе, когда услышала, что в прихожую вошли Хьюберт Блэр с отцом.

– Я подумал, что надо его проводить, – говорил ее матери мистер Блэр. – Похоже, в нашем переулке орудует шайка хулиганов.

Миссис Биссел не общалась с миссис Блэр и была изрядно удивлена неожиданным посещением. Ей даже пришла в голову циничная мысль, что это неуклюжая попытка завязать знакомство, на которую мистера Блэра подбила жена.

– Ну и ну! – воскликнула она. – Имоджен, я уверена, будет только рада повидаться с Хьюбертом… Имоджен!

– Очевидно, эти злодеи подкарауливали Хьюберта, – продолжал мистер Блэр. – Но он не робкого десятка, сумел обратить их в бегство. Однако я не хотел отпускать его к вам одного.

– Разумеется, – согласилась миссис Биссел.

Она не могла взять в толк, что здесь понадобилось Хьюберту. Слов нет, мальчик вполне приличный, но Имоджен за последние три дня провела в его обществе более чем достаточно времени. По правде говоря, миссис Биссел была раздражена этим визитом, и голос ее не отличался теплотой, когда она пригласила мистера Блэра войти.

Они все еще топтались в прихожей, и мистеру Блэру стало казаться, что в этом есть какая-то странность, но тут раздался еще один звонок. Дверь открыли: на пороге стоял запыхавшийся, красный Бэзил Ли.

– Как поживаете, миссис Биссел? Привет, Имоджен! – с преувеличенной сердечностью выкрикнул он. – Где вечеринка?

На посторонний слух такое приветствие могло показаться несколько бесцеремонным и неестественным, но собравшиеся и без того пребывали в замешательстве.

– Никакой вечеринки сегодня нет, – с изумлением сказала Имоджен.

– Что? – От преувеличенного ужаса у Бэзила отвисла челюсть и слегка дрогнул голос. – Ты хочешь сказать, что не звонила мне и не приглашала на вечеринку?

– Ну конечно нет, Бэзил!

Имоджен была в восторге от неожиданного прихода Хьюберта, и ей пришло в голову, что Бэзил явился под надуманным предлогом, чтобы все испортить. Единственная из присутствующих, она была близка к истине, но недооценила силу, пригнавшую сюда Бэзила: он был одержим не ревностью, а смертельным ужасом.

– Но мне-то ты звонила, Имоджен, правда? – самоуверенно спросил Хьюберт.

– Да нет же, Хьюберт! Никому я не звонила.

Хор недоуменных возгласов был прерван еще одним звонком, и темнота извергла из своего чрева запыхавшихся Рипли Бакнера-младшего и Уильяма С. Кампфа. Как и Бэзил, они были слегка взъерошены, но столь же бесцеремонно поинтересовались местом проведения вечеринки, с необычной горячностью настаивая, что Имоджен только что пригласила их по телефону.

Хьюберт расхохотался, следом засмеялись остальные, и напряжение спало. Имоджен, слепо верившая Хьюберту, поверила им всем. Не в силах более сдерживаться перед новообретенными слушателями, Хьюберт стал взахлеб рассказывать о своем невероятном приключении.

– Подозреваю, эта шайка охотится за всеми нами! – выпалил он. – Выхожу я в переулок, а там караулят какие-то типы. Один, громила с седыми бакенбардами, завидев меня, удрал. Иду дальше и вижу целую ораву, как пить дать иностранцы, я – за ними, они – деру. Я попытался их сцапать, но, думаю, они здорово перепугались – улепетывали во все лопатки, даже я не смог догнать.

Поглощенные этим рассказом, сам Хьюберт и его отец даже не заметили, как густо покраснели трое слушателей, и не обратили внимания на их преувеличенно громкий смех в ответ на вежливое предложение мистера Биссела все-таки устроить вечеринку.

– Расскажи про угрозы, Хьюберт, – подсказал мистер Блэр. – Можете себе представить, Хьюберт получал угрозы. А вы, ребята, не получали?

– Я получал, – поспешно заверил Бэзил. – С неделю назад: клочок бумаги с угрозой или вроде того.

На один миг, когда взгляд обеспокоенного мистера Блэра упал на Бэзила, в душу ему закралось не то чтобы подозрение, но какое-то неясное предчувствие. Возможно, необычный рисунок бровей Бэзила, на которых еще остались едва заметные пучки искусственных волосков, соединился в его подсознании со странностями вечерних событий. Озадаченный, он покачал головой. А потом его мысли плавно вернулись к отваге и находчивости сына.

У Хьюберта между тем закончились факты, и он вступил в царство фантазий.

– Я и говорю: «Значит, это ты мне слал угрозы», а он как двинет левой, но я увернулся и как врежу ему правой. Думаю, я не промахнулся, потому что он завопил и убежал. Только пятки засверкали! Жаль, что ты не видел, Билл, – он мог бы с тобой сравняться!

– Говоришь, он был высоченный? – переспросил Бэзил, шумно сморкаясь.

– Еще какой! Примерно с моего отца.

– А другие – тоже здоровенные?

– А то! Громилы такие. Пойми, я не приглядывался, а сразу заорал: «Убирайтесь отсюда, бандитский сброд, не то хуже будет!» Они сперва полезли в драку, но я врезал одному правой, и они струхнули…

– Хьюберт считает, это были итальянцы, – перебил мистер Блэр. – Верно, Хьюберт?

– Видок у них был курам на смех, – заявил Хьюберт. – Один парень точно смахивал на итальянца.

Миссис Биссел провела всех в столовую, куда распорядилась принести кекс и виноградный сок. Имоджен уселась рядом с Хьюбертом.

– А теперь расскажи специально для меня, Хьюберт, – попросила она, сложив руки в знак внимания.

Хьюберт повторил свой рассказ заново. Теперь за поясом у одного из негодяев появился нож, а словесная перепалка растянулась, набрав ярости и желчи. Оказалось, Хьюберт доходчиво объяснил, что их ждет, если они посмеют его тронуть. Злодеи схватились было за ножи, но поняли, что шутки плохи, и пустились наутек.

В середине сего повествования на другом конце стола раздалось странное фырканье, но, когда Имоджен повернула голову, Бэзил с невинным видом намазывал желе на кусочек

кофейного кекса. Тем не менее минутой позже звук повторился, и на этот раз она углядела на его лице какое-то особенно недоброе выражение.

– А ты бы как поступил, Бэзил, интересно знать? – язвительно бросила она. – Держу пари, ты бы до сих пор бежал не останавливаясь!

Бэзил поперхнулся куском кофейного кекса, чем сильно насмешил Билла Кампфа и Рипли Бакнера. Казалось, их веселье по поводу мелких неувязок за столом только нарастало по мере того, как Хьюберт вел свой рассказ. Переулок теперь буквально кишел злодеями, и, пока Хьюберт сражался против превосходящих сил противника, Имоджен волновалась все сильнее – эта история нисколько ей не наскучила. Наоборот, когда Хьюберт припоминал новые подробности и заводил все с начала, она бросала злорадный взгляд на Бэзила, и ее неприязнь к нему росла.

Когда они перешли в библиотеку, Имоджен присела за рояль и осталась в одиночестве, а мальчики столпились вокруг дивана, где сидел Хьюберт. К ее огорчению, они, видимо, приготовились слушать до бесконечности. Время от времени у них вырывался слабый писк, но, когда повествование начинало затухать, они требовали продолжения:

– Давай дальше, Хьюберт. Который, ты сказал, мог бы резвостью тягаться с Биллом Кампфом?

Она даже обрадовалась, когда полчаса спустя все поднялись, чтобы уйти.

– Непонятная история от начала до конца, – говорил мистер Блэр. – Не нравится мне все это. Завтра попрошу, чтобы прислали следователя, пусть разберется. Чего они хотели от Хьюберта? Что собирались с ним сделать?

Никто не высказал никаких предположений. Даже Хьюберт молчал, с благоговейным ужасом представляя свою возможную судьбу. В течение вечера его рассказ прерывался общей беседой о сопутствующих материях, как то убийства и привидения; после таких разговоров мальчики были взвинчены. И в самом деле, каждый из них – правда, в разной степени – уверовал, что в окрестностях орудует банда похитителей.

– Не нравится мне все это, – повторил мистер Блэр. – Провожу-ка я вас, ребята, по домам.

Бэзил с облегчением поблагодарил. Вечер удался на славу, но джинны, выпущенные из бутылки, частенько отбиваются от рук. Ему совершенно не улыбалось пробираться темными улицами в одиночку.

В прихожей Имоджен, воспользовавшись несколько томным прощанием своей матери с мистером Блэром, поманила Хьюберта обратно в библиотеку. Готовый к новым напастям, Бэзил навострил уши. Раздались шепотки, а потом короткая возня, за которой последовал нескромный и совершенно недвусмысленный звук. С упавшим сердцем Бэзил шагнул за порог. Он ловко подтасовал колоду, но Судьба в конце концов достала из рукава свой козырь.

В следующую минуту они уже стайкой шагали по улице, с опаской озираясь на каждом углу. Ни Бэзил, ни Рипли, ни Билл не смогли бы объяснить, что ожидали увидеть, боязливо вглядываясь в зловещую темноту переулков, тени величественных темных деревьев и глухие ограды, – по всей вероятности, тех же гротескных, обросших головорезов, которые этим вечером подкарауливали Хьюберта.

VI

Через неделю Бэзил и Рипли узнали, что Хьюберт с матерью уехали на лето к морю. Бэзил даже расстроился. Он хотел перенять у Хьюберта несколько изящных трюков, которые производили неотразимое впечатление на его сверстников и могли бы оказаться весьма кстати осенью, когда начнется учеба в колледже. В память об увиденном он тренировался

прислоняться к дереву, словно промахиваясь, учился скатывать по руке роликовый конек, а заодно взял привычку лихо заламывать кепи, как это делал Хьюберт.

Это продлилось недолго. Со временем он понял, что мальчики и девочки, которые слушали его рассказы буквально шевеля губами от волнения, никогда не будут смотреть на него так, как они смотрели на Хьюберта. Поэтому он отказался от шумных смешков, так раздражавших маму, и снова стал надевать кепи ровно.

Но происшедшие в нем перемены были гораздо глубже. Он уже не был уверен, что хочет войти в число благородных грабителей, хотя у него по-прежнему захватывало дух, когда он читал об их подвигах. Еще тогда, за калиткой Хьюберта, он на миг ощутил свое душевное одиночество и решил для себя, что любые комбинации взятых из жизни материалов нужно ограничивать надежными рамками закона. А еще через неделю он обнаружил, что больше не горюет из-за утраты Имоджен. Встречая ее, он видел в ней только соседскую девчонку, которую знал всегда. Моментальный восторг того вечера родился преждевременно, став осколком стремительно уходившей весны.

Ему было неведомо, что он до смерти перепугал миссис Блэр, которой пришлось уехать из города, и что по его милости специально проинструктированный полисмен еще долго нес скрытное ночное дежурство в их районе. Знал он только то, что смутная, беспокойная тоска трех долгих весенних месяцев как-то улеглась. На завершающей неделе она перегорела – вспыхнула, взорвалась и рассыпалась в прах. Он без сожалений развернулся лицом к безграничным возможностям лета.

Вечером на ярмарке

I

Только узкая речка под многочисленными мостами разделяла эти два города; их окраины, петлявшие вместе с речными излучинами, в какой-то момент смыкались и переплетались; на этой территории под ревнивым оком каждого из городов по осени разворачивалась Ярмарка штата. Удачное местоположение вкупе с сельскохозяйственными успехами местных фермеров ставило ярмарку в ряд самых грандиозных во всей Америке. Туда поступали огромные партии зерна, домашнего скота и агротехнического оборудования; проводились рысистые бега и автогонки, а в последнее время появились даже аэропланы, способные отрываться от земли; шумные аттракционы – не хуже, чем на Кони-Айленде, – вихрем кружили вас в пространстве, а весьма откровенное танцевальное шоу «хучи-кучи» сопровождалось стонами и звяканьем побрякушек. На центральной площади достигался компромисс между легкомысленным и серьезным: здесь после пышного фейерверка ежевечерне давали театрализованное представление «Битва при Геттисберге»[5].

На исходе жаркого сентябрьского дня двое пятнадцатилетних ребят, слегка отяжелевших от лакомств и шипучки, вышли, еле живые после восьми часов безостановочного гулянья, из шатра игровых автоматов. Тот, что стрелял по сторонам красивыми карими глазами, позиционировал себя, если верить космической надписи на учебнике истории Древнего мира, как «Бэзил Дюк Ли, Холли-авеню, г. Сент-Пол, штат Миннесота, США, Северная Америка, Западное полушарие, мир, Вселенная». Он слегка не дорос до своего приятеля, но при этом казался выше, потому что, так сказать, тянулся вверх из коротких штанов, тогда как Рипли Бакнер-младший неделю назад перешел в разряд обладателей длинных брюк. Это событие, такое простое и естественное, подтачивало изнутри проверенную временем дружбу. Бэзил, как более изобретательный участник этого тандема, всегда верховодил, и поражение в правах, виной которому были синие саржевые недомерки, повергало его в недоуменное отчаяние; к тому же Рипли Бакнер теперь не особенно стремился появляться на люди в компании Бэзила. Длинные брюки явно сулили свободу от запретов и унижений детства, и общение с тем, кто все еще носил короткие штаны, а значит, оставался шкетом, бестактно указывало, что его собственная метаморфоза произошла совсем недавно. Рипли, возможно, и не отдавал себе в этом отчета, но некоторая досадливость, некоторая тенденция ставить Бэзила на место высокомерными смешками была очевидна в продолжение всего дня. Бэзил остро чувствовал эту внезапную перемену. В августе на семейном совете было решено, что он еще не дорос до длинных брюк, даром что с осени его ждала учеба в Новой Англии. Он слабо возражал, указывая, что за две недели вымахал на целых полтора дюйма, но только лишний раз показал себя строптивцем, хотя и не терял надежды уломать маму.

Из душного шатра приятели вышли на полыхающий закат, помедлили, поглазели на толпы народу, что текли в обоих направлениях вдоль центральной аллеи, и на лицах у них отразилась скука с примесью какого-то подспудного ожидания. Возвращаться домой раньше положенного часа их не тянуло, но жажда зрелищ явно пошла на убыль; им хотелось другого настроя, другого рисунка этого дня. Поблизости находилась автостоянка, тогда еще скромных размеров; пока они в нерешительности топтались на месте, их внимание привлек маленький автомобиль красного цвета, который своей низкой подвеской указывал и на высо-

[5] *Битва при Геттисберге* (1863) – самое кровопролитное сражение в ходе американской Гражданской войны, закончившееся победой северян.

кую скорость движения, и на высокую скорость жизни. Это был «блатц-уайлдкэт» – предел мечтаний миллионов американских мальчишек еще по крайней мере на пять лет. В салоне, изображая холодное изнеможение, подчеркнутое контурами откинутого сиденья, красовалась блондинка со скучающим детским личиком.

Мальчишки вытаращили глаза. Смерив их равнодушным взглядом, блондинка вернулась к своему призванию нежиться в «блатц-уайлдкэте» и презрительно созерцать небо. Мальчишки переглянулись и приросли к месту. Оба уставились на девушку, но, когда поняли, что это выглядит слишком вызывающе, опустили глаза и принялись разглядывать автомобиль.

Через несколько минут, на ходу натягивая желтые перчатки – в тон желтому костюму и шляпе, – в машину сел молодой человек с лицом цвета лососины и примерно такими же волосами. Раздались устрашающие хлопки, а затем под размеренный стук – тра-та-та – спортивного глушителя, кичливый, отрывистый и тревожный, как барабанная дробь, автомобиль умчал прочь и девушку, и ее спутника, в котором трудно было не узнать Лихача Пакстона.

Бэзил и Рипли развернулись и задумчиво побрели назад, в сторону центральной аллеи. Они знали, что Лихач Пакстон – неприятный тип, сумасбродный, избалованный сын местного пивовара; и тем не менее он вызывал у них зависть: улететь в колеснице навстречу закату, навстречу таинственному безмолвию ночи, вместе с этой таинственной малюткой… Видимо, от зависти у них и вырвался оклик, адресованный их ровеснику – долговязому парню, выходившему из тира.

– Здорово, Эл! Приветик, Эл! Постой!

Элвуд Лиминг обернулся и подождал. Среди приличных мальчиков он выделялся беспутством: успел пристраститься к пиву, нахватался разных выражений от шоферов, дымил как паровоз – даже исхудал. Они радостно бросились к нему, но наткнулись на жесткий прищур бывалого парня.

– Здорово, Рип. Держи пять. Бэзил, старичок, здорово. Держи пять.

– Что поделываешь, Эд? – спросил Рипли.

– Да так, ничего. А вы?

– Мы тоже.

Элвуд Лиминг еще больше сощурился, изображая раздумье, а потом решительно цокнул языком.

– Не снять ли нам крошек, а? – предложил он. – Тут сегодня клевые есть, я уже приглядел.

Рипли и Бэзил исподволь затаили дыхание. В прошлом году их возмущало, что Элвуд захаживал в кабаре «Звезда», а теперь он приоткрывал им дверь в свою распутную жизнь.

Рипли, которого ко многому обязывала новая ступень зрелости, с видимой охотой поддержал:

– А чего, нормально, я готов.

Он покосился на Бэзила.

– Нормально, я тоже готов, – выдавил тот.

Рипли хохотнул – скорее нервозно, чем издевательски.

– Ты сперва подрасти, Бэзил. – Он перевел взгляд на Элвуда, ища поддержки. – Отдыхай, пока из пеленок не вышел.

– Умолкни! – вспылил Бэзил. – Сам-то давно из пеленок вышел? Неделю назад!

Но он чувствовал, что их разделяет пропасть; ему отводилась роль бесплатного приложения.

Поглядывая направо и налево, Элвуд Лиминг с видом опытного первопроходца двигался немного впереди. Гулявшие парами девушки, поймав на себе его мужской взгляд, то и дело ободряюще улыбались, но он всех забраковал: эти – толстухи, эти – страшилы, эти –

буки. Вдруг все трое одновременно узрели впереди двух подружек и сразу прибавили шагу: Элвуд – с подлинной уверенностью, Рипли – с нервно-притворной, а Бэзил – с неожиданным волнением.

Они зашли с фронта. У Бэзила колотилось сердце. Он отвел глаза, услышав голос Элвуда:

– Привет, девчонки! Как дела?

А вдруг они вызовут полицию? Вдруг сейчас из-за угла появится его мать на пару с матерью Рипли?

– Привет, мальчонки!

– Куда направляемся, крошки?

– Никуда.

– Тогда нам по пути.

Они встали в кружок, и Бэзил с облегчением заметил, что эти девушки – его сверстницы. Миленькие, кожа чистая, губки яркие, прически по-взрослому высокие. Его сразу потянуло к той, что говорила негромко и держалась застенчиво. К радости Бэзила, Элвуд клюнул на более разбитную и увел ее вперед, предоставив им с Рипли обхаживать более скромную.

Первые вечерние фонари затеплились бледным светом; толпа слегка поредела, а над опустевшими аллеями все еще плыли густые запахи попкорна и арахиса, патоки и скворчащих венских колбасок; к ним примешивались не лишенные приятности нотки сена и дух домашней скотины. Сквозь сумерки в кольце огоньков лениво ползло колесо обозрения; над головами громыхали пустыми вагончиками американские горки. Зной унесло ветром, и в воздухе витал бодрящий, волнующий холодок северной осени.

Они шли дальше. Бэзил чувствовал, что для разговора с девушкой требуется найти верный тон, но не мог тягаться с Элвудом Лимингом, который доверительно и настойчиво охмурял свою спутницу, как будто ненароком уловил родство вкусов и душ. Просто чтобы не молчать (Рипли ограничивался редкими взрывами дурацкого гогота), Бэзил изображал интерес к ярмарочным диковинкам и как мог высказывался на их счет.

– Вот там шестиногого теленка показывают. Видела?

– Не-а, не видела.

– А тут парень гоняет на мотоциклете по отвесной стене. Ходила туда?

– Не-а, не ходила.

– Смотри! Воздушный шар надувают. Интересно, в котором часу сегодня фейерверк?

– Решил посмотреть?

– Нет, завтра пойду. А ты?

– Я каждый вечер хожу. У меня тут брат подрабатывает. Как раз фейерверки помогает запускать.

– Круто!

Он задал себе вопрос: как отреагирует ее брат, узнав, что сестренку подцепили чужаки? А потом: не чувствует ли она себя так же глупо, как он сам? Часы, как пить дать, неумолимо тикали, а ведь он обещал быть дома к половине восьмого, иначе на следующий день ему грозил домашний арест. Бэзил догнал Элвуда.

– Слышь, Эл, – окликнул он, – куда мы идем?

Элвуд подмигнул:

– В «Старую мельницу».

– Ага!

Бэзил снова отстал – и увидел, что за время его недолгого отсутствия Рипли с их общей спутницей взялись под руки. Его кольнула ревность; он еще раз, более придирчиво, всмотрелся в эту девушку и обнаружил, что она даже красивее, чем ему показалось на первый

взгляд. Бездонные карие глаза как будто проснулись от сверкания огней; как и сама вечерняя прохлада, эти глаза сулили немало волнующих открытий.

Ему тоже захотелось взять ее под руку, но момент был упущен: эти двое уже хохотали – видимо, без причины – в один голос. Вначале она спросила, чему он все время смеется, а он только рассмеялся ей в ответ. Теперь неудержимые взрывы хохота сотрясали обоих.

Бэзил с отвращением покосился на Рипли.

– В жизни не слышал такого идиотского гогота, – неприязненно бросил он.

– Неужели? – загоготал Рипли Бакнер. – Неужели, маленький?

От смеха Рипли согнулся пополам; девушка тоже хихикала. Это словцо, «маленький», обрушилось на Бэзила ушатом холодной воды. От волнения он кое-что забыл – подобно тому, как увечный подчас забывает о своей хромоте, пока не пустится бежать.

– А сам-то, можно подумать, большой! – взвился он. – У кого ты брюки спер? Говори, у кого брюки спер? – Он вложил в эту тираду весь свой пыл и чуть не добавил: «Не иначе как у папаши», но вовремя спохватился – отца Рипли, как и его собственного, уже не было в живых.

Идущая впереди парочка достигла «Старой мельницы». Там царило затишье, и в деревянном русле искусственной речки слегка покачивалось штук шесть тупоносых лодок. Элвуд усадил свою девушку на носу и, недолго думая, обнял ее за плечи. Бэзил помог второй девушке устроиться на корме и сел рядом, но от расстройства даже не стал возражать, когда между ними втиснулся Рипли. Лодка отчалила и сразу попала в бескрайнюю гулкую темноту. Где-то впереди компания в такой же лодке распевала песни; голоса, то далекие и романтичные, то близкие, но от этого не менее загадочные, плыли над извилистым каналом; на поворотах лодки сходились, разделенные невидимым пологом.

Мальчишки заулюлюкали в три горла и начали задирать поющих; Бэзил проявил изобретательность и постарался перекричать Рипли, чтобы себя реабилитировать, но в считаные мгновения все звуки смолкли, кроме его голоса да непрерывных глухих ударов лодки о дощатые берега; он не глядя понял, что Рипли облапил девушку.

Их вынесло в багровое зарево: декорации и реквизит изображали сцену ада, со злорадными демонами и грозными языками бумажного пламени; тут он разглядел, что Элвуд и его девушка сидят щека к щеке; а потом снова подступила темнота, из которой доносился только ласковый плеск воды и все тот же хор. Бэзил сделал вид, что его вниманием завладела певческая лодка: он старался докричаться до певцов и отпускал реплики на тему сближения. Потом он обнаружил, что плоскодонку можно раскачивать, и тешился этим убогим развлечением, пока Элвуд Лиминг в гневе не обернулся, чтобы его осадить:

– Эй! Делать нечего, что ли?

В конце концов они причалили у выхода, и обе парочки разомкнули объятия. Бэзил понуро спрыгнул на берег.

– Дайте новые билеты! – гаркнул Рипли. – Мы хотим еще покататься.

– Без меня, – сказал Бэзил с преувеличенно равнодушным видом. – Я домой пошел.

Рипли победно заржал. Девушки захихикали.

– Прощай, маленький, – изгалялся Рипли.

– Заткни фонтан! Пока, Элвуд.

– Пока, Бэзил.

Лодка уходила на второй заплыв; руки вернулись на девичьи плечи.

– Пока, маленький!

– Пока, большой, набит лапшой! – выкрикнул Бэзил. – Где штаны спер? Признавайся: где штаны спер?

Но плоскодонка уже скрылась в темной пасти тоннеля, оставив позади эхо издевательского гогота Рипли.

II

Испокон веков считается, что все мальчишки спят и видят, как бы повзрослеть. Причина такого заблуждения кроется в том, что свое недовольство запретами, отравляющими жизнь юных, они порой высказывают вслух, тогда как радостные периоды затянувшегося детства, которые их вполне устраивают, обозначаются не словами, а поступками. У Бэзила временами действительно возникало желание стать чуть-чуть постарше, но не более того. Раньше проблема длинных брюк так остро не стояла: он был бы не против их получить, но этот предмет гардероба не имел столь романтического значения, как, скажем, футбольная или офицерская форма и даже шелковый цилиндр и крылатка, в каких по ночам благородные грабители крадучись выходили на улицы Нью-Йорка.

Однако наутро это уже был вопрос жизни и смерти. Не имея длинных брюк, он был отрезан от компании сверстников и подвергался насмешкам того, кто прежде смотрел ему в рот. Если накануне вечером какие-то курицы предпочли ему Рипли, это не беда, но Бэзила отличал неукротимый состязательный дух; он не мог стерпеть, что вынужден драться одной рукой, в то время как другая скована у него за спиной. А ведь похожая ситуация могла возникнуть и в школе; вот это уже было бы невыносимо. Во время завтрака он в сильном душевном смятении воззвал к матери.

– Как же так, Бэзил? – удивленно запротестовала она. – По-моему, мы это обсуждали и ты не проявил особого интереса.

– Мне они позарез нужны, – заявил Бэзил. – Умру, а учиться не поеду, если сейчас у меня не будет длинных брюк.

– Ну не глупи.

– Я серьезно, лучше умереть. Если мне даже нельзя носить длинные брюки, то учеба не имеет смысла.

Эмоции перехлестывали через край, и мать не на шутку встревожило видение его близкой кончины.

– Бэзил, не говори ерунды, садись за стол и доедай завтрак. Можешь хоть сегодня поехать в «Бартон Ли» и выбрать то, что тебе подойдет.

Отмякший, но все еще разрываемый нетерпением, Бэзил мерил шагами комнату.

– У кого нет длинных брюк, тот очень уязвим, – страстно произнес он. Эта фраза ему так понравилась, что он решил нажать. – У кого нет длинных брюк, тот чудовищно, страшно уязвим. Лучше умереть, чем…

– Бэзил, немедленно закрой рот. Кто-то тебя задразнил.

– Никто меня не задразнил! – с негодованием возразил он. – Никто.

После завтрака горничная позвала его к телефону.

– Это Рипли, – произнес настороженный голос.

Бэзил прохладно воспринял сей факт.

– Ты никак обиделся? – спросил Рипли.

– Я? Вот еще. Кто сказал, что я обиделся?

– Никто. Слышь, ты не забыл, что мы сегодня на фейерверк идем?

– Не забыл. – Бэзил по-прежнему отвечал ледяным тоном.

– Так вот, у одной из этих крошек – у той, что была с Элвудом, – есть сестренка, такая же симпатичная, даже лучше, можно ее позвать для тебя. Фейерверк начнется в девять; встречаемся около восьми.

– А чего там делать?

– Да хоть на «Старую мельницу» опять сходим. Мы вчера еще три раза прокатились.

Последовала короткая пауза. Бэзил удостоверился, что дверь в мамину комнату закрыта.

– Ты со своей целовался? – настойчиво зашептал он в трубку.

– А то! – На другом конце провода послышался дурацкий смешок. – Слышь, Эл собирается у предков машину взять. Мы тогда тебя подхватим в районе семи.

– Ладно, – грубовато согласился Бэзил и добавил: – Мне сегодня еще надо брюки купить.

– Честно? – Бэзил опять уловил почти беззвучный смешок. – Короче, в семь часов жди.

В десять утра, встретившись со своим дядей в магазине готовой одежды «Бартон Ли», Бэзил немного устыдился, что затрудняет и разоряет родных. По дядиному совету он в конце концов выбрал два костюма: повседневный, из плотного сукна шоколадного цвета, и выходной, темно-синий. И тот и другой требовали небольшой подгонки по фигуре, но дядя договорился, чтобы один костюм непременно доставили в тот же день.

В порядке раскаяния, хоть и недолгого, в таком неслыханном транжирстве Бэзил решил сэкономить на транспорте и отправился домой пешком. На Крэст-авеню он примерился и перепрыгнул через высокий пожарный гидрант неподалеку от особняка ван Шеллингеров; при этом возник вопрос: можно ли прыгать через пожарный кран в длинных штанах и будет ли у него вообще такая возможность? Что-то заставило его напоследок совершить этот обряд еще два или три раза; тут его и застукали ван Шеллингеры, чей лимузин свернул на подъездную аллею и затормозил у входа.

– Ой, Бэзил, – услышал он.

С гранитных ступеней особняка, второго по величине у них в городе, на него смотрело нежное юное личико, наполовину скрытое облаком почти белых кудряшек.

– Здравствуй, Глэдис.

– Можно тебя на минутку, Бэзил?

Не мог же он отказать. Глэдис ван Шеллингер была на год младше – спокойная, воспитанная девочка, которую, по слухам, готовили к замужеству с каким-нибудь респектабельным молодым человеком из Новой Англии. У нее была гувернантка; Глэдис водилась лишь с немногими избранными девочками, с которыми встречалась либо у себя дома, либо у них; ей была неведома вольница, привычная для городских детей Среднего Запада. Она не появлялась в таких местах, где ближе к вечеру собирались ее ровесники, – к примеру, во дворе за домом Уортонов.

– Бэзил, хотела спросить: ты сегодня вечером идешь на ярмарку?

– Ну, в принципе, да.

– А ты не хочешь присоединиться к нам и посмотреть фейерверк из нашей ложи?

На мгновение он задумался. Вроде надо было соглашаться, но какая-то неведомая сила нашептывала обратное: сам посуди, стоит ли отказывать себе в близком удовольствии ради совершенно бесперспективной затеи?

– Я не смогу. К великому сожалению.

По лицу Глэдис пробежала тень разочарования.

– Не сможешь? Тогда заходи как-нибудь в гости, Бэзил, только не откладывай. Скоро я уеду в Новую Англию.

Он в унынии побрел дальше. Глэдис ван Шеллингер никогда с ним не дружила, и ни с кем другим тоже, но, услышав, что она едет учиться в Новую Англию, причем одновременно с ним, Бэзил к ней потеплел, как будто их двоих ожидало заманчивое приключение, уготованное самой судьбой вопреки тому обстоятельству, что Глэдис происходила из богатой семьи, а он – из семьи среднего достатка. Жаль, что не получалось сегодня составить ей компанию.

С трех часов дня Бэзил, который сидел у себя в комнате и читал «Багровый свитер»[6], начал прислушиваться к звонкам. Он выскакивал на лестничную площадку, перегибался через перила и кричал:

– Хильда, это не ко мне?

А в четыре, возмущенный равнодушием горничной, полным отсутствием понимания важности момента и медлительностью, с какой она подходила к дверям, он сбежал вниз и взял дело под свой контроль. Но все напрасно. Тогда он позвонил в «Бартон Ли»; какой-то продавец торопливо заверил:

– Вы получите свой костюм. Гарантирую, костюм вы получите.

В его правдивость Бэзил не поверил; выйдя на крыльцо, он стал высматривать фирменный пикап от «Бартон Ли».

К пяти часам пришла мама.

– Видимо, потребовались дополнительные переделки, – решила она приободрить сына. – Ничего, завтра утром доставят.

– Завтра утром! – Бэзил не поверил своим ушам. – Мне нужно сегодня, сейчас!

Бэзил окинул взглядом Холли-авеню. Схватив кепку, он бросился за угол, на трамвайную остановку. Через мгновение его осенило, и он столь же стремительно помчался назад.

– Если доставят, примешь пакет без меня, – проинструктировал он маму, ибо взрослый человек ничего не должен пускать на самотек.

– Так и быть, – сухо пообещала она. – Приму.

Времени пролетело больше, чем он думал. Потом еще пришлось ждать троллейбуса, и, добравшись до магазина «Бартон Ли», Бэзил с ужасом увидел запертые двери и опущенные жалюзи. У выхода он перехватил одного из припозднившихся работников и стал с горячностью объяснять, что костюм необходим ему именно сегодня. Служащий оказался не в курсе дела… На какую фамилию – мистер Швартце? Нет, Бэзил – не мистер Швартце. После сбивчивой дискуссии, в ходе которой он пытался доказать, что бессовестного продавца следует уволить, Бэзил, совершенно убитый, поплелся восвояси.

Если костюма нет, на ярмарку идти не стоит – нечего там делать. Придется сидеть дома, пока другие, везунчики, будут искать приключений на местном бродвее. Рядом с ними сквозь волшебный мрак «Старой мельницы» будут скользить таинственные девушки, юные и сговорчивые, а его там не будет – и все из-за тупости, эгоизма и лживости какого-то продавца из магазина готовой одежды. А через пару дней ярмарка закроется… навсегда… и эти девушки, самые неуловимые, самые желанные на всем свете, вместе с этой сестренкой – по слухам, самой симпатичной девочкой из всех троих… будут для него потеряны навек. Они умчатся на «блатц-уайлдкэтах» в лунную ночь, а Бэзил даже не успеет их поцеловать. Да, он до конца своих дней (только надо успеть добиться увольнения того продавца, чтобы помнил, как своим поступком загубил ему, Бэзилу, жизнь) будет с неизбывной горечью оглядываться на этот безвозвратный день. Подобно многим из нас, Бэзил отказывался понимать, что в будущем у него появится масса желаний, равноценных нынешним.

Он вернулся домой; пакет так и не доставили. Бэзил угрюмо слонялся из комнаты в комнату, а в половине седьмого по настоянию матери сел ужинать и молча поставил локти на стол.

– Неужели ты не проголодался, Бэзил?

– Нет, спасибо, – с отсутствующим видом сказал он, даже не разобрав, что ему положили.

– До твоего отъезда целых две недели. Какая разница…

---

[6] «*Багровый свитер*» (1906) – роман американского писателя Р. Г. Барбура (1870–1944). Свитер темно-красного цвета – элемент классического гарвардского стиля в одежде.

– Да я не потому. Просто голова разболелась.

Когда ужин подходил к концу, его рассеянный взгляд упал на бисквитный торт; с видом лунатика Бэзил съел три куска.

Ровно в семь он услышал звук, призванный возвестить начало волнующего, романтического вечера.

У крыльца тормознул автомобиль Лимингов, и в следующий миг Рипли Бакнер нажал на кнопку дверного звонка. Бэзил мрачно поднялся из-за стола.

– Я сам открою, – сказал он Хильде. А потом с неявным, обезличенным упреком – матери: – Извини, я сейчас. Только скажу им, что на ярмарку пойти не смогу.

– Разумеется, сможешь, Бэзил. Не глупи. Если какой-то…

Бэзил не дослушал. Распахнув дверь, он увидел на ступеньках Рипли Бакнера. У того за спиной был припаркован лиминговский лимузин: старый, высокий, подрагивающий на фоне полной луны.

Трам-та-ра-рам! В конце улицы загрохотал фирменный пикап магазина «Бартон Ли». Трам-та-рам! На тротуар спрыгнул водитель, установил железный противоугон, заспешил вдоль по улице, свернул не туда, возвратился и наконец приблизился к ним с длинной прямоугольной коробкой в руках.

– Подожди минуту! – неистово вскричал Бэзил. – Это разницы не сделает. – Я сейчас. Будь другом, подожди минуту. – Он выскочил на крыльцо. – Эл, мне только что… мне только переодеться. Подождете, а?

В темноте мелькнула искра от сигареты – Эл повернулся к шоферу; автомобиль, уняв дрожь, вздохнул и затих, а небеса вдруг осветились звездами.

И снова ярмарка – совсем иная, нежели днем; так девушка при свете дня отличается от своего сияющего вечернего воплощения. Алебастр и картонки растворились, остались лишь образы дворцов и павильонов. Очерченные гирляндами огней, эти образы сулили кое-что притягательное и таинственное; их свойства передавались и посетителям, которые в одиночку и компаниями прохаживались по маленьким запутанным бродвеям, рассекая полумрак своими бледными лицами.

Ребята поспешили к месту встречи; девушки поджидали в затемненном «Храме пшеницы». Их силуэты соединились в стайку, и у Бэзила возникло какое-то дурное предчувствие. Когда их знакомили, он с нарастающей тревогой переводил взгляд с одного лица на другое и понял ужасающую истину: младшая сестра на поверку оказалась сущей кикиморой – квадратная, растрепанная, с землистым лицом, наштукатуренным дешевой розовой пудрой, и с бесформенными губами, тщетно пытавшимися кокетничать.

Как из тумана, до него донесся голос девушки Рипли:

– Не знаю, я, наверно, с вами не пойду. У меня как бы свиданка назначена – я тут с одним парнем познакомилась.

Она егозила, вглядываясь в полутемную аллею, а Рипли, в расстройстве и смятении, пытался взять ее под руку.

– Погоди, – урезонивал он. – Я ведь первый тебе свидание назначил, разве нет?

– А вдруг бы ты не пришел, кто тебя знает, – капризно повторяла она.

Элвуд и обе сестры тоже принялись ее уговаривать.

– Может, я бы на колесо обозрения сходила, – нехотя уступила она, – а на «Старую мельницу» не успеть. Мой парень разозлится.

Самоуверенность Рипли не выдержала такого удара; у него отвисла челюсть, а пальцы отчаянно вцепились в девичий локоть. Бэзил, из последних сил соблюдая приличия, переводил укоризненный взгляд со своей девушки на остальную компанию. Только Элвуд был на коне.

– Айда на колесо обозрения, – скомандовал он. – Не стоять же здесь до утра.

У билетного киоска своенравная Олив помешкала, хмурясь и озираясь по сторонам, как будто еще сохраняла надежду на появление соперника Рипли. Но когда подвесные кабины остановились, она позволила себя уговорить, и три парочки, каждая со своими проблемами, неспешно поплыли вверх.

Путь кабины повторял воображаемую линию небесного купола, и Бэзил подумал, как хорошо было бы оказаться здесь в другой компании, а то и в одиночестве: снизу ярмарка подмигивала огоньками разнообразия, а темнота, что вечно подкарауливает у границы света и ставит заслон последним затухающим лучам дня, приобретала бархатистую мягкость. Но Бэзил не мог обижать тех, кто не был ему ровней. Минуту спустя он повернулся к сидевшей рядом девушке и для приличия осведомился:

– Вы откуда – из Сент-Пола или из Миннеаполиса?

– Из Сент-Пола. Учусь в школе номер семь. – Она вдруг придвинулась совсем близко. – А ты, как я погляжу, бойкий, – поощрила она Бэзила.

Положив руку ей на плечо, он почувствовал тепло ее кожи. Их кабина опять оказалась на самом верху, выше было только небо, и опять они заскользили вниз под протяжные стоны далекой каллиопы[7]. Старательно отводя глаза, Бэзил привлек девушку к себе и, дождавшись очередного подъема в темноту, нагнулся, чтобы поцеловать ее в щечку. Это прикосновение взволновало его, но краем глаза он случайно увидел ее лицо… и порадовался, когда внизу ударил гонг и колесо, замедлив ход, остановилось.

Не успели три парочки собраться у выхода, как Олив завопила от восторга:

– Вот же он! Билл Джонс, мы только сегодня познакомились – у меня с ним свиданка.

Походкой циркового пони к ним направлялся парнишка примерно одних с ними лет, который с ловкостью тамбурмажора вертел в руках бамбуковую тросточку. Предусмотрительно выбранное имя не могло обмануть трех приятелей: это был не кто иной, как их сверстник и однокашник симпатяга Хьюберт Блэр.

Он остановился прямо перед ними. Дружески хмыкнул вместо приветствия. Снял шляпу, покрутил ее на пальце, уронил, поймал и лихо надел набекрень.

– Что ж ты, красава, – обратился он к Олив. – Я тебя пятнадцать минут ждал.

Хьюберт Блэр сделал вид, что собирается ее отдубасить; она захихикала от восторга. Он мастерски выбирал такой тон, который безотказно действует на девушек четырнадцати лет, а также на непритязательных дамочек постарше. Его фантастически тренированное, изящное тело всегда находилось в движении. У него был симпатичной формы нос, обезоруживающий смех и трезвый дар лести. Когда он вытащил из кармана ириску, положил на лоб, подбросил вверх и ловко поймал губами, даже сторонний наблюдатель мог бы с уверенностью сказать, что у Рипли не осталось никаких шансов.

Вся компания была настолько увлечена этим представлением, что никто не заметил, как глаза Бэзила вспыхнули надеждой, а ноги молниеносно сделали четыре шажка назад – с проворством, какому позавидовал бы благородный грабитель; он шмыгнул в щель между полотнищами какого-то шатра и попал в безлюдный павильон «Тракторы и комбайны». Здесь можно было перевести дух; ему пришло в голову, что Рипли пока ни сном ни духом не ведает, какой подарок ждет его этим вечером, и при этой мысли Бэзил в потемках согнулся пополам от неудержимого хохота.

Через десять минут в другом конце ярмарки некий молодой человек энергично и осмотрительно шагал в ту сторону, где готовилось пиротехническое шоу; при ходьбе он размахивал только что купленной бамбуковой тросточкой. Встречные девушки поглядывали на него

---

[7] *Каллиопа* – музыкальный инструмент, названный в честь музы эпической поэзии. Представляет собой паровой орган, использующий локомотивные или пароходные гудки. Позволяет менять только высоту и длительность, но не громкость пронзительного звука. Зачастую изготавливалась с механизмом для автоматического звукоизвлечения и не требовала участия исполнителя.

с интересом, но он знал себе цену; на одно краткое мгновение он устал от людей… в суматохе жизни это мгновение осталось почти незамеченным: он упивался длинными брюками.

Купив билет на трибуну, он вместе с толпой обошел ипподром в поисках нужного сектора. Люди в форме армии северян катили пушку для театрализованного представления «Битва при Геттисберге», и, когда он остановился поглазеть, откуда-то сзади донесся голос Глэдис ван Шеллингер.

– Бэзил, если хочешь, присоединяйся к нам.

Бэзил обернулся – и был принят. Он обменялся любезностями с мистером и миссис ван Шеллингер, которые доброжелательно представили его своим знакомым («Это сынок Алисы Райли») и распорядились, чтобы для него поставили стул в первом ряду их ложи, рядом с Глэдис.

– Ой, Бэзил, – шепнула она, просияв, – какое чудо, правда?

Это и впрямь было чудом. Его захлестнула волна добродетели. Сейчас он даже не представлял, как можно было предпочесть общество тех простушек.

– Бэзил, какое чудо, что мы едем в Новую Англию, правда? Возможно, мы даже окажемся в одном поезде.

– Не могу дождаться, – с серьезным видом заверил он. – Я сегодня в длинных брюках. Пришлось купить в связи с предстоящим отъездом.

К нему наклонилась одна из сидевших в ложе дам.

– Я хорошо знаю вашу маму, – сообщила она. – А также одного из ваших друзей. Рипли Бакнер – мой племянник.

– О, как интересно!

– Рипли – такой милый мальчик, – просияла миссис ван Шеллингер.

И тут, как по заказу, перед ними возник Рипли Бакнер. По опустевшему и теперь ярко освещенному полю ипподрома двигалась небольшая, но чудовищная процессия, будто сбежавшая из цирка уродов. Ее возглавляли Хьюберт Блэр и Олив: Хьюберт выписывал кренделя и, как тамбурмажор, вертел тросточку под одобрительный аккомпанемент визгливого смеха Олив.

За ними следовал Элвуд Лиминг со своей избранницей; они так тесно прижимались друг к другу (и, конечно же, обнимались), что у обоих заплетались ноги. Процессию бесславно завершали Рипли Бакнер и недавняя спутница Бэзила, которая визгливостью не уступала Олив.

Бэзил с любопытством уставился на Рипли: у того на лице отражалась непривычная гамма чувств. Он то начинал идиотски гоготать в тон своей компании, то кривился, как в муках, будто силился понять, удачно ли складывается для него этот вечер.

К этому шествию теперь было привлечено всеобщее внимание; Рипли, прошагавший на расстоянии вытянутой руки от ложи ван Шеллингеров, даже не заметил, что оттуда его разглядывают с особой придирчивостью. Как только он оказался за пределами слышимости, в ложе зашелестели удивленные вздохи и тактичные шепотки.

– Какие своеобразные девочки, – отметила Глэдис. – А тот, что впереди, – это Хьюберт Блэр?

– Да.

У себя за спиной Бэзил услышал обрывок разговора:

– Его мать завтра утром будет поставлена в известность.

Пока Рипли не скрылся из виду, Бэзил сгорал со стыда за своего друга, но теперь на него накатила вторая волна добродетели, еще сильнее первой. Он мог бы от души позлорадствовать, если бы не опасение, что мать Рипли, чего доброго, не отпустит сына учиться. Впрочем, через пару минут Бэзил свыкся и с этой перспективой. Но не из-за подлости натуры. Про-

сто извечная жестокость к обреченным, присущая его биологическому виду, еще не успела спрятаться под маской лицемерия, вот и все.

Попеременные куплеты «Дикси» и «Звездно-полосатого флага» возвестили о славном завершении «Битвы при Геттисберге». Поддавшись внезапному порыву, Бэзил направился к тетушке Рипли Бакнера, ожидавшей у автомобильной стоянки.

– Думаю, было бы… неправильно ставить в известность маму Рипли. Он ведь никому ничего плохого не сделал. У него…

Раздосадованная ходом событий, она пригвоздила Бэзила надменным ледяным взглядом:

– Я как-нибудь сама разберусь.

Он нахмурился. А потом отошел и нырнул в лимузин ван Шеллингеров.

Устроившись на тесном переднем сиденье рядом с Глэдис, Бэзил неожиданно влюбился. Он то и дело мягко касался ее руки; его грела мысль о совместной поездке на учебу; эта нить все сильнее связывала их воедино.

– Сможешь прийти ко мне в гости прямо завтра? – спрашивала она. – Мама уезжает и разрешила пригласить, кого я сама захочу.

– Договорились.

Когда лимузин замедлил ход, Глэдис порывисто склонилась к уху Бэзила:

– Бэзил…

Он выжидал. Теплое дыхание ласкало ему щеку. Пусть бы поторопилась: если шофер выключит двигатель, то, чего доброго, ее слова услышат родители, всю дорогу дремавшие сзади. Глэдис уже казалась ему красавицей. Заурядные, невыразительные черты в полной мере компенсировались ее деликатной утонченностью и роскошествами жизни.

– Бэзил… Бэзил, когда завтра соберешься ко мне, возьми, пожалуйста, с собой Хьюберта Блэра.

Шофер открыл дверцу; мистер и миссис ван Шеллингер вздрогнули и проснулись.

Машина тронулась с места; Бэзил в раздумье провожал ее взглядом, пока она не свернула за угол.

Заносчивый новичок

I

Дело было в бродвейском ресторане для избранной публики; глухой ночью там собралась блистательная, окутанная налетом таинственности компания, объединившая в себе высший свет, дипломатический корпус и преступный мир. Всего лишь пару минут назад здесь лилось рекой игристое вино, а на одном из столиков лихо отплясывала какая-то девица, но сейчас посетители умолкли, затаив дыхание. Все взгляды устремились на холеного господина во фраке и цилиндре, который с невозмутимым видом остановился в дверях; лицо его скрывала маска.

– Попрошу не двигаться, – объявил он хорошо поставленным, рафинированным голосом, не лишенным, однако, металлических ноток. – Эта штука у меня в руке может ненароком… выстрелить.

Его глаза обшарили зал столик за столиком и выхватили бледного, угрюмого злодея, потом Хезерли, вкрадчивого тайного агента одной иностранной державы, и в конце концов остановились – пожалуй, чуть смягчившись – на темноволосой девушке с трагическим взглядом, которая сидела в одиночестве.

– Теперь, когда моя цель достигнута, вы, наверное, захотите узнать, кто я такой.

Все лица вспыхнули ожиданием. Грудь темноволосой девушки слегка затрепетала, и в воздух поднялось крошечное облачко тонких французских духов.

– Я – не кто иной, как неуловимый джентльмен Бэзил Ли, более известный как Тень.

Сняв свой безупречный цилиндр, он иронически поклонился. А потом, развернувшись, мгновенно исчез в ночи.

– В Нью-Йорк только раз в месяц отпускают, – говорил Льюис Крам, – да и то с учителем.

Остекленевший взгляд Бэзила Ли вернулся от сараев и рекламных щитов Индианы в купе поезда «Бродвей лимитед»[8]. Бег телеграфных столбов утратил свою гипнотическую силу, и на белом чехле противоположного дивана проступили очертания унылой физиономии Льюиса Крама.

– Главное – до Нью-Йорка добраться, а от учителя можно свалить.

– Да уж, как же!

– Спорим?

– Попробуй – увидишь, что из этого выйдет.

– Вот заладил: «увидишь», «увидишь». Что я там увижу, а, Льюис?

Его сверкающие синевой глаза тоскливо и досадливо смотрели на попутчика. Этих двоих ничто не связывало, разве что возраст – пятнадцать лет – да проверенная временем дружба их отцов, но это и вовсе не в счет. Кроме того, оба ехали из одного и того же города на Среднем Западе в одну и ту же школу Новой Англии, только Бэзилу предстоял первый год обучения, а Льюису – второй.

Но, вопреки расхожим представлениям, на ветерана Льюиса жалко было смотреть, тогда как новичок Бэзил сиял от радости. Льюис ненавидел школу. С детства привыкший

[8] «*Бродвей лимитед*» – пассажирский поезд, курсировавший между Нью-Йорком и Чикаго через Северную Филадельфию с 1912 по 1995 г. Название Broadway (букв. «широкий путь») обусловлено тем, что специально для этого поезда почти на всем пути следования была проложена четырехпутная железнодорожная линия.

во всем полагаться на свою мать, деятельную и властную, он не мог смириться с тем, что она все больше и больше отдаляется, а потому совсем скис и отчаянно тосковал по дому. Бэзил, напротив, уже давно с жадностью впитывал рассказы о школе-пансионе и теперь совершенно не грустил, а, наоборот, радовался узнаванию и собственной осведомленности. Кстати сказать, вчера вечером он именно в угоду школьным нравам, исключительно по праву сильного, взял да и выкинул в окно расческу Льюиса – просто так.

Наивные восторги Бэзила внушали Льюису отвращение; когда же Льюис машинально попытался охладить его пыл, взаимная неприязнь достигла высшей точки.

– Могу сказать, что ты там увидишь, – зловеще проговорил он. – Вот застукают тебя с сигаретой – и увидишь домашний арест.

– Никто меня не застукает: я курить не собираюсь, я буду в футбол играть.

– В футбол! Ну ты даешь! В футбол!

– Послушай, Льюис, тебе вообще хоть что-нибудь нравится?

– Футбол нисколько не нравится. Какой интерес выходить на поле, чтобы получить в глаз?

Льюис рассуждал свысока: по наущению матери он считал свою боязливость не чем иным, как здравомыслием. Но Бэзил из лучших, как ему казалось, побуждений ответил в такой манере, которая способна сделать людей заклятыми врагами.

– Если бы ты играл в футбол, к тебе стали бы совсем по-другому относиться в школе, – покровительственно заметил он.

Льюис не считал, что к нему плохо относятся. Он вообще об этом не думал. Но Бэзил его ошарашил.

– Ты дождешься! – в ярости вскричал Льюис. – Там тебя живо обломают!

– Не заводись, – сказал Бэзил, хладнокровно поправляя стрелки на своих длинных брюках. – Не заводись, ладно?

– Все знают, что в «Кантри-Дей»[9] ты был в каждой бочке затычка!

– Не заводись, – повторил Бэзил, но уже без прежней уверенности. – Сделай одолжение, не заводись.

– Думаешь, я не помню, что про тебя в школьной газете написали?..

Тут и сам Бэзил утратил хладнокровие.

– Если будешь заводиться, – мрачно сказал он, – твои щетки тоже из поезда вылетят.

Эта нешуточная угроза подействовала. Фыркая и ворча, Льюис откинулся на спинку своего дивана, но, вне сомнения, перестал заводиться. Он припомнил своему попутчику самую позорную страницу его жизни. В одном из номеров газеты, которую выпускали ребята из их прежней школы, под рубрикой «Личные объявления» появилось следующее:

> *Если кто-нибудь любезно согласится отравить юного Бэзила или найдет какой-либо иной способ заткнуть ему рот, вся школа, включая меня, будет премного благодарна.*

Им оставалось только сидеть и молча злиться. Потом Бэзил сделал решительную попытку перезахоронить эту злосчастную реликвию. Что было, то прошло. Допустим, он раньше слегка заносился, но ведь сейчас ему предстояло начать с чистого листа. Очень скоро это воспоминание улетучилось, а вместе с ним и унылое обличье Льюиса, и весь поезд; на Бэзила опять повеяло дыханием Новой Англии, от которого зашлось сердце. Из сказочного

---

[9] Школы, организованные в США движением «Кантри-Дей» (*англ.* Country Day, букв. «день за городом») в конце XIX в., строго придерживались учебных планов и ставили своей задачей формирование характера учащихся, воспитание духа товарищества, создание особой атмосферы, как в лучших учебных заведениях закрытого типа, но при этом ограничивались дневным, а не круглосуточным пребыванием учеников. Эти школы располагались в районах, удаленных от городских центров с их загрязненностью, шумом и высоким уровнем преступности. Именно в этих районах, которые впоследствии получили статус пригородов, предпочитали селиться состоятельные семьи.

мира его звал чей-то голос; стоявший рядом человек положил руку на его обтянутое джемпером плечо.

– Ли!

– Да, сэр.

– Сейчас все зависит от тебя. Понял?

– Да, сэр.

– Тогда вперед, – сказал тренер. – Жми.

Бэзил сдернул джемпер и, оставшись в юношеской форме, выбежал на поле. Игрового времени оставалось ровно две минуты; счет был три – ноль в пользу противников, но при виде юного Ли, который из-за происков Дэна Хаскинса, грозы всей школы, и его прилипалы Хорька Уимса пропустил целый год, над трибунами Сент-Реджиса забрезжила надежда.

– Тридцать три – двенадцать – шестнадцать – двадцать два! – гаркнул Коротышка Браун, тщедушный квотербек[10].

Это был его сигнал…

– Фу ты! – вырвалось у Бэзила, забывшего о недавнем конфликте. – Так мы до завтра будем тащиться.

II

Школа Сент-Реджис, г. Истчестер, 18 ноября 19…

Дорогая мама! Сегодня рассказывать особенно нечего, но я решил написать тебе поповоду карманных денег. Всем мальчикам присылают больше, чем мне, тут мне все время требуются какие-то мелочи, шнурки и т. д. В школе мне нравится, у меня все хорошо, только футбольный сезон закончился, так что заняться особо нечем. На этой неделе нас повезут в Нью-Йорк на спектакль. На какой – точно не знаю, но, наверное, либо на «Квакершу»[11], либо на «Печального мальчика»[12], оба хорошие. Доктор Бейкон относится к нам подоброму, в деревне есть хороший лечущий врач. Больше писать немогу, надо учить алгебру.

Твой любящий сын
БЭЗИЛ Д. ЛИ

Когда он запечатывал конверт, в комнату для занятий вошел щуплый мальчонка и остановился, не сводя с него глаз.

– Привет, – нахмурившись, сказал Бэзил.

– Я тебя обыскался, – осуждающе протянул малец. – Везде смотрел: и к тебе в комнату поднимался, и до спортзала дошел, а потом ребята сказали, что ты, наверное, опять тут отсиживаешься.

– Чего тебе надо? – взвился Бэзил.

---

[10] *Квотербек* – в американском футболе основной игрок нападения; находится непосредственно за центром (основной лайнмен: сбрасывает мяч назад квотербеку в начале розыгрыша) и принимает от него мяч в начале розыгрыша. Он решает, какой тип розыгрыша будет выполнять команда, отдает пасы, передает мяч игрокам для бегущих розыгрышей и иногда сам продвигает мяч вперед. Обычно нападающая команда старается менять типы розыгрышей, чтобы не дать команде противника предугадать тип розыгрыша и подготовиться к нему.

[11] «*Квакерша*» – музыкальная комедия (пьеса Дж. Т. Тэннера, музыка Л. Монктона), поставленная в 1910 г. в Лондоне и в 1911 г. на Бродвее, где с успехом выдержала 240 показов. Ф. С. Фицджеральд называл игру Ины Клэр, исполнительницы заглавной роли, одним из своих самых ярких театральных впечатлений.

[12] «*Печальный мальчик*» – оперетта в двух действиях, ставилась на Бродвее в 1911–1913 гг. Автор музыки А. Берени, либретто австрийских драматургов Р. Шанцера и Л. Линдау.

– Спокойно, Пузырь.

Бэзил вскочил; мальчонка попятился.

– Ну бей, бей! – истерично заверещал он. – Давай, ударь, ты ведь здоровей меня!.. Пузырь!

Бэзил содрогнулся:

– Еще раз так скажешь – я тебя выдеру!

– Нет, не выдерешь. Брик Уэйлз говорит: если ты кого-нибудь из наших пальцем тронешь…

– Не больно хотелось!

– Забыл, как ты нас гонял? Да если б не Брик Уэйлз…

– Короче, что тебе надо? – не выдержал Бэзил.

– Тебя доктор Бейкон вызывает. Меня за тобой послали, а кто-то сказал, что ты, наверное, тут отсиживаешься.

Сунув письмо в карман, Бэзил вышел, мальчишка и обидное прозвище потянулись за ним – как приклеились. Он прошел нескончаемым коридором, где стоял, как принято говорить, дух затхлой жженки, неистребимый в школах для мальчиков, затем поднялся этажом выше и постучал в неприметную, но грозную дверь.

Доктор Бейкон сидел за рабочим столом. Это был видный собой, рыжеволосый священнослужитель епископальной церкви, лет пятидесяти от роду; если он когда-то и тянулся душой к детям, то теперь проникся суетным цинизмом, который зеленой плесенью неминуемо разъедает любого директора школы. Прежде чем дать вошедшему разрешение садиться, он совершил некие предварительные действия: водрузил на нос извлеченные откуда ни возьмись очки в золотой оправе, внимательно изучил Бэзила и убедился, что это не самозванец; нервно перебрал кипу бумаг – не в поисках нужного документа, а будто тасуя колоду карт.

– Сегодня утром я получил письмо от вашей матери, ммм… Бэзил. – Обращение по имени, как уже давно понял Бэзил, не сулило ничего хорошего. В школе все говорили ему либо Пузырь, либо Ли. – Ее беспокоит ваша низкая успеваемость. Как я понимаю, вас определили сюда ценой определенных… ммм… издержек… и она надеется…

Бэзил внутренне сжался от стыда – не за плохие оценки, а за финансовую несостоятельность, которой ему бесцеремонно ткнули в нос. Он и без того знал, что в этой школе для богатых оказался в числе самых бедных.

Не иначе как от вида его смущения в душе доктора Бейкона шевельнулась дремавшая доселе чувствительность; еще раз перебрав бумаги, он продолжил на новой ноте:

– Но вызвал я вас не за этим. На прошлой неделе вы обращались за разрешением на субботнюю поездку в Нью-Йорк с целью посещения театра. От мистера Дэвиса я узнал, что это едва ли не первый случай, когда вас можно отпустить в город.

– Да, сэр.

– Дисциплина у вас хромает. Однако я бы вас отпустил, если бы не одно препятствие. К сожалению, в эту субботу все учителя заняты.

У Бэзила сам собой открылся рот.

– Как же так, я ведь… как же так, доктор Бейкон, я знаю, что поедут две группы. Почему я не могу присоединиться к какой-нибудь из них?

Доктор Бейкон с великой поспешностью перебрал бумаги.

– К сожалению, в одной будут юноши постарше, а другая укомплектована почти месяц назад.

– А те ребята, которые пойдут на «Квакершу» с мистером Данном?

– Именно о них и речь. Они считают, что группа полностью укомплектована, и уже приобрели билеты в одном ряду.

Теперь Бэзил все понял. Поймав его взгляд, доктор Бейкон торопливо продолжил:

– Впрочем, могу предложить другое. Естественно, вам потребуется собрать группу, чтобы поделить на всех стоимость поездки учителя. Не позднее пяти часов найдите хотя бы двоих желающих и сообщите мне их фамилии. Я отправлю с вами мистера Руни.

– Спасибо, – выдавил Бэзил.

Доктор Бейкон помедлил. Под многолетней коростой цинизма шевельнулось желание разобраться в столь необычном деле и выяснить причину всеобщей нелюбви к этому пареньку. Похоже, и ученики, и учителя были настроены к нему крайне враждебно; притом что доктору Бейкону не впервой было улаживать всевозможные школьные коллизии, он ни разу не смог – ни самостоятельно, ни с помощью доверенных старшеклассников – докопаться до их причины. Скорее всего, причина в таких случаях была не одна; скорее всего, дело упиралось в какие-то неуловимые грани личности. Но не зря же Бэзил поначалу произвел на него весьма и весьма благоприятное впечатление.

Он вздохнул. Иногда такие конфликты рассасывались сами собой. Он не любил идти напролом.

– Надо постараться, чтобы в следующем месяце вам домой был отправлен более приемлемый отчет об успеваемости, Бэзил.

– Да, сэр.

Бэзил сломя голову помчался вниз по лестнице, в рекреацию. Была среда; почти все ученики отправились в городок Истчестер, куда Бэзилу путь был заказан: он до сих пор находился под домашним арестом. Обведя взглядом тех, кто слонялся у рояля и бильярдных столов, он понял, что найти компанию будет трудно. Не секрет, что в школе его считали последним человеком.

Началось это почти сразу. Через неделю с небольшим после приезда его окружили младшие мальчишки – возможно, кем-то науськанные – и начали обзываться: «Пузырь». На следующей неделе он дважды подрался, и оба раза столпившиеся зеваки яростно и красноречиво поддерживали его противников. Вскоре после этого при входе в столовую, когда он работал локтями в точности как все остальные, Карвер, капитан футбольной команды, развернулся, схватил его за шиворот и, не отпуская, задал ему форменную взбучку. Бэзил как бы невзначай присоединился к компании, собравшейся у рояля, и услышал: «Вали отсюда. Мы тебя не звали».

В полной мере Бэзил осознал свое положение примерно через месяц. Он был просто убит. Как-то раз после нестерпимых оскорблений он убежал к себе в комнату и разревелся. Некоторое время он держался особняком, но и это не помогло. Его начали шпынять за то, что он жмется по углам: дескать, замышляет грязные делишки. Совершенно подавленный, Бэзил стал недоуменно смотреться в зеркало, пытаясь разгадать подоплеку такой ненависти: может, у него какой-то не такой взгляд или кривая улыбка?

Теперь он понимал, что с самого начала повел себя неправильно: бахвалился, среди футболистов прослыл трусоватым, тыкал всех подряд носом в их ошибки, на уроках кичился своей – пусть и незаурядной – эрудицией. Но ведь он хотел исправиться и не мог взять в толк, почему ему нет прощения. Наверно, уже слишком поздно. Наверно, на него легло несмываемое клеймо.

Он и впрямь стал козлом отпущения, записным негодяем и, как губка, копил в себе чужую злость и досаду: так в отряде самый боязливый копит в себе страхи других, а другие от этого смелеют. Его не спасало даже то бесспорное обстоятельство, что от прежней самоуверенности, с которой он прибыл в Сент-Реджис, не осталось и следа. Теперь его задирали даже те, кто пару месяцев назад не посмел бы и рта раскрыть.

Все свои надежды он возлагал на поездку в Нью-Йорк, мечтая о передышке от ежедневных издевательств и о кратком погружении в долгожданный романтический мир. Что ни неделя, из-за его проступков мечта откладывалась: например, его постоянно ловили за чте-

нием после отбоя (оно служило бледной заменой все того же отчаянного бегства от реальности), и оттого нетерпеливое ожидание перерастало в жгучий голод. Мысль о том, что и в этот раз он никуда не поедет, была просто невыносима, и он пробежал в уме список тех, кого мог бы позвать себе в компанию. Выбор оказался невелик: Толстый Гаспар, Тредуэй и Багз Браун. Стремительный обход их комнат показал, что все они воспользовались предоставляемой по средам возможностью пойти в Истчестер.

Бэзил раздумывал недолго. До пяти часов оставалось совсем немного времени, и выход был только один: пуститься за ними вдогонку. Нарушение домашнего ареста было для него не внове, хотя последняя попытка закончилась неудачей и новым сроком. У себя в комнате он натянул теплый свитер (пальто слишком явно выдавало бы его намерения), сверху набросил пиджак, а кепку засунул в задний карман. Беззаботно насвистывая, он спустился по лестнице и зашагал по траве в сторону спортивного зала. Остановился, как будто заглядывая в окна – сначала в то, что ближе к дорожке, а потом и в угловое. Затем быстро (но не слишком) переместился к зарослям сирени. Обежал угол, припустил по длинной лужайке, которая не просматривалась из окон, и, раздвинув проволочное ограждение, пробрался на территорию соседней усадьбы. Свобода. На холодном ноябрьском ветру Бэзил надел кепку; до городка было полмили пути.

В Истчестере, фермерском поселении городского типа, располагалась небольшая обувная фабрика. Школяры облюбовали все заведения, рассчитанные на фабричных рабочих: киношку, передвижную закусочную, получившую название «Дог», и Бостонскую кондитерскую. Перво-наперво Бэзил отправился к «Догу» – и тут же встретил одного из кандидатов на поездку. Это был Багз Браун, истеричный малый, у которого случались припадки; однокашники старательно обходили его стороной. Много лет спустя он стал блестящим адвокатом, но тогда, в Сент-Реджисе, слыл типичным придурком, так как по причине своей нервной организации днями напролет издавал дикие вопли.

Обычно он водился с мелюзгой, еще не впитавшей предрассудки старших; именно в таком обществе и застал его Бэзил.

– Ву-ии! – заголосил Багз. – Ии-ии-ии! – Поднеся ладонь ко рту и часто-часто хлопая себя по губам, он изобразил нечто вроде «уа-уа-уа». – Ба, Пузырь Ли! Это Пузырь Ли! Пуз-Пуз-Пуз-Пуз-Пузырь Ли!

– Погоди, Багз, – в тревоге сказал Бэзил, опасаясь, как бы тот окончательно не спятил, пока не дал себя уломать. – Слушай, Багз, дело есть. Кончай блажить, Багз, помолчи минуту. Ты готов после обеда в субботу поехать со мной в Нью-Йорк?

– Хи-ии-ии! – завопил Багз, огорчив Бэзила. – Уи-ии-ии!

– Кроме шуток, Багз, ты готов? При желании могли бы поехать вместе.

– Мне к врачу назначено, – сказал Багз, внезапно успокоившись. – Провериться, насколько я чокнутый.

– А в другой день нельзя провериться? – без тени юмора спросил Бэзил.

– Вуии-ии-ии! – вскричал Багз.

– Ладно тогда, – поспешно отступился Бэзил. – Ты Толстого Гаспара, случайно, не видел?

Багз орал благим матом, но Толстого видел кто-то другой: Бэзила направили в Бостонскую кондитерскую.

Это был дешевый, липкий сахарный рай. Запах его, удушающий и тошнотворный, пронизывал всю округу и вызывал у взрослых повышенную потливость ладоней; посетителей он встречал, как нравственный заслон – прямо на пороге. Внутри, под тучей мух, напоминавшей плотное черное кружево, рядком сидели мальчики, поглощая вместо обеда бананы с мороженым под взбитыми сливками, арахис в кленовом сиропе и пломбир с воздушным рисом, шоколадом и орешками. Бэзил нашел Толстого Гаспара в стороне, за столиком.

Для Бэзила он был маловероятным и в то же время самым желательным компаньоном. Его считали неплохим парнем; более того, он был настолько добродушен, что прилично обходился с Бэзилом и на протяжении всей осени не сказал ему худого слова. Бэзил понимал, что он таков по натуре, но все же надеялся, что Толстый просто к нему хорошо относится, как люди из прежней жизни; сейчас ему отчаянно захотелось его уговорить. Но это было из области мечтаний: при появлении Бэзила к нему повернулись каменные лица двух других парней, сидевших за тем же столиком, и надежда стала таять.

– Послушай, Толстый… – начал он, осекся, но тут же выпалил: – Я под арестом, но сбежал, чтобы с тобой переговорить. Доктор Бейкон сказал, что в субботу отпустит меня в Нью-Йорк, если я найду двух попутчиков. Я позвал Багза Брауна, но он не может, вот я и решил позвать тебя.

Он умолк, терзаясь смущением, и стал ждать. Вдруг двое приятелей Толстого разразились оглушительным смехом:

– Багз еще мозгами не трахнулся!

Толстый Гаспар колебался. В субботу он всяко не мог поехать в Нью-Йорк и в других обстоятельствах нашел бы способ отказаться не обидев. Он ничего не имел против Бэзила или кого бы то ни было другого, но у мальчиков способность противостоять общественному мнению развита довольно слабо, и он повелся на презрительный хохот дружков.

– Неохота, – равнодушно промямлил он. – Я-то при чем?

– Просто решил тебя позвать.

Тут Гаспар, немного устыдившись, издал саркастический смешок и склонился над мороженым.

Развернувшись, Бэзил подошел к стойке и глухим, незнакомым голосом заказал клубничный десерт. Он ел, не чувствуя вкуса, под шепотки и фырканье у себя за спиной. Как в тумане, он направился к выходу не заплатив, но его окликнул буфетчик, что вызвало новый взрыв издевательского хохота.

Бэзил хотел было вернуться и врезать кому-нибудь из насмешников, но этим он ничего бы не добился. Ему сказали бы правду: он потому пресмыкается, что никто не хочет с ним ехать. Сжав кулаки, он в бессильной ярости вышел на улицу.

Теперь нужно было срочно найти третьего кандидата на поездку в Нью-Йорк – Тредуэя. Того приняли в Сент-Реджис, когда учебный год шел полным ходом, и неделю назад подселили в комнату к Бэзилу. Поскольку Тредуэй не был свидетелем травли, которой Бэзил подвергался на протяжении всей осени, Бэзил держался с ним естественно, и у них завязались если не дружеские, то, по крайней мере, ровные отношения.

– Слышь, Тредуэй, – окликнул он, еще не оправившись от эпизода в кондитерской. – В субботу после обеда не хочешь смотаться в Нью-Йорк, на спектакль?

Он осекся, сообразив, что рядом стоит его заклятый враг Брик Уэйлз – парень, с которым у них вышла драка. Переводя взгляд с одного на другого, Бэзил уловил досаду в глазах Тредуэя и отсутствующее выражение Брика Уэйлза: все стало ясно. Тредуэю, который еще не вполне освоился в школе, только что открыли глаза на персону его соседа по комнате. Как и Толстый Гаспар, он мог бы откликнуться на искренний зов, но предпочел разорвать дружеские отношения.

– Еще не хватало, – коротко бросил он. – Бывай.

Эти двое пошли мимо него в сторону кондитерской.

Получи Бэзил этот равнодушный, а потому особенно горький отпор в сентябре, он бы этого не выдержал. Но у него уже образовался панцирь, который, не добавляя ему привлекательности, кое-как защищал от некоторых изощренных видов травли. Мучимый тоской, отчаянием и жалостью к себе, он прошелся по улице в противоположную сторону,

чтобы унять спазмы, кривившие его лицо. А потом развернулся и кружным путем отправился назад, в школу.

От границы соседней усадьбы путь лежал к проверенному лазу. Продираясь сквозь живую изгородь, Бэзил заслышал шаги по тротуару и оцепенел, боясь, что его застукает кто-нибудь из учителей. Голоса звучали все ближе и громче; не успел он опомниться, как с ужасом услышал:

– …а когда Багз Браун его обломал, этот баклан поперся к Толстому Гаспару, а Толстый ему и говорит: «Я-то при чем?» Так ему и надо, никто с ним не поедет.

Это был монотонный, но злорадный голос Льюиса Крама.

III

У себя на кровати Бэзил увидел пакет. Он давно и трепетно ждал этой бандероли, но теперь открыл ее без особой радости. Внутри был набор из восьми цветных репродукций с изображениями девушек Гаррисона Фишера: «бумага глянцевая, без надпечаток и рекламных материалов, пригодны для окантовки».

Портреты назывались «Дора», «Маргарита», «Бабетта», «Люсиль», «Гретхен», «Роза», «Катрин» и «Мина». Два изображения – Маргариты и Розы – после беглого осмотра были неспешно порваны и отправлены в мусорное ведро, как выбракованные щенки. Оставшиеся шесть Бэзил прикнопил к стенам через равные промежутки. Потом лег на кровать и стал разглядывать.

Дора, Люсиль и Катрин – светленькие; Гретхен – серединка на половинку, Бабетта и Мина – темноволосые. Очень скоро Бэзил поймал себя на том, что чаще всего смотрит на Дору и Бабетту, чуть реже – на Гретхен, даром что ее прозаический голландский чепец не оставлял места для тайны. Бабетта, миниатюрная брюнетка с фиалковыми глазами, в плотно облегающей шляпке, оказалась самой притягательной; взгляд его в конце концов остановился на ней.

– Бабетта, – шептал он про себя, – прелестная Бабетта.

От звука ее имени, такого же печального и вкрадчивого, как «Вилия» и «Иду в „Максим“», что неслись из всех патефонов, Бэзил расчувствовался и уткнулся лицом в подушку. Он вцепился в изголовье и, содрогаясь от рыданий, сбивчиво заговорил сам с собой… как он их ненавидит и кого больше всех… таких набралось с десяток… и что он с ними сделает, когда станет великим и всесильным. Прежде в такие минуты он мысленно благодарил Толстого Гаспара за его дружелюбие, но теперь Толстый стал вровень с остальными. Бэзил набросился на него и немилосердно отметелил кулаками, а потом язвительно смеялся, проходя мимо, когда тот, совсем слепой, просил милостыню на тротуаре.

Заслышав шаги Тредуэя, он взял себя в руки, но не шевелился и молчал. Тредуэй сновал по комнате, и вскоре до Бэзила донеслись неожиданные звуки открываемых платяных шкафов и ящиков секретера. Бэзил перекатился на бок, прикрывая локтем красное от слез лицо. В руках у Тредуэя была охапка сорочек.

– Что ты делаешь? – насторожился Бэзил.

Сосед бросил на него ледяной взгляд:

– Переезжаю к Уэйлзу.

– Ну-ну!

Тредуэй продолжил сборы. Он вынес в коридор набитый саквояж, потом другой, снял со стен какие-то вымпелы и потащил за собой чемодан. На глазах у Бэзила он завернул в полотенце туалетные принадлежности и окинул последним взглядом опустевшую комнату, проверяя, все ли забрал.

– Бывай, – сказал он Бэзилу не моргнув глазом.

– Бывай.

Тредуэй вышел. Бэзил снова перевернулся на живот и задохнулся подушкой.

– О, несчастная Бабетта! – хрипло выдавил он. – Бедная маленькая Бабетта! Бедная маленькая Бабетта!

Бабетта, хрупкая и пикантная, кокетливо глядела на него со стены.

IV

Доктор Бейкон, угадав пиковое положение Бэзила, а возможно, и глубину его страданий, все же организовал для него поездку в Нью-Йорк. Сопровождающим был назначен мистер Руни, футбольный тренер и по совместительству преподаватель истории. В свои двадцать лет мистер Руни разрывался между карьерой полицейского и поступлением в один из небольших, но дорогих колледжей Новой Англии; вообще говоря, это был неудобный кадр, и доктор Бейкон рассчитывал к Рождеству от него избавиться. Тренер глубоко презирал Бэзила – в минувшем сезоне тот проявил себя как ненадежный игрок, ни рыба ни мясо, – но для поездки в Нью-Йорк у мистера Руни нашлись собственные мотивы.

В поезде Бэзил смиренно сидел рядом с ним и смотрел через массивное тренерское плечо на пролив Лонг-Айленд и вспаханные поля округа Уэстчестер. Дочитав и свернув газету, мистер Руни погрузился в недовольное молчание. После плотного завтрака он не успел утрамбовать пищу физическими упражнениями. Ему вспомнилось, что Бэзил – заносчивый парень: пусть бы сморозил какую-нибудь наглость, а уж он бы прижал его к ногтю. Сил не было терпеть это безропотное молчание.

– Ли, – без предисловий начал он, неубедительно изображая дружеское участие, – может, перестанешь валять дурака?

– Что вы сказали, сэр? – После утренних волнений Бэзил до сих пор пребывал в трансе.

– Я спрашиваю: ты когда-нибудь возьмешься за ум? – В голосе мистера Руни зазвучала угроза. – Или собираешься всю жизнь быть козлом отпущения?

– Нет, не собираюсь.

Бэзил похолодел. Неужели даже на один день нельзя об этом забыть?

– Ты, главное, не заносись. На уроках истории я тебе пару раз чуть шею не свернул. – (Бэзил не нашелся с ответом.) – А на футбольном поле, – продолжал мистер Руни, – наоборот, хвост поджимаешь. Мог бы играть лучше всех, если б захотел – как тогда, против второй команды Помфрета, но кураж потерял.

– Напрасно я перешел во вторую команду, – сказал Бэзил. – У меня веса не хватает. Лучше бы в третьей остался.

– Да ты просто дрейфишь, вот и все. Пора взяться за ум. И на уроках вечно ворон считаешь. Если и дальше так пойдет, не видать тебе колледжа как своих ушей.

– Но я в пятом классе самый младший, – неосторожно возразил Бэзил.

– Думаешь, ты самый умный, да? – Он свирепо уставился на Бэзила.

Внезапно в нем произошла какая-то перемена, и на некоторое время оба опять умолкли. Когда за окном потянулись скученные предместья Нью-Йорка, тренер заговорил намного мягче, как будто одумался:

– Ли, хочу оказать тебе доверие.

– Да, сэр.

– Пойди где-нибудь перекуси, а потом отправляйся на спектакль. У меня тут дело есть; успею – присоединюсь к тебе в театре. Не успею – встретимся у выхода.

У Бэзила екнуло сердце.

– Да, сэр.

– Надеюсь, ты в школе не проболтаешься – ну, о том, что я ездил по делам.

– Нет, сэр.

– Вот и проверим, сможешь ли ты хоть раз прикусить язык, – сказал тренер, обращая разговор в шутку, а потом назидательно добавил: – И чтобы ни капли алкоголя, понял?

– Что вы, сэр!

Бэзила покоробило это предположение. Он никогда не пробовал спиртного, даже не допускал такой возможности, разве что в мечтах пригубил неосязаемое и непьянящее шампанское.

По совету мистера Руни он решил пообедать у вокзала, в отеле «Манхэттен», где заказал клубный сэндвич, картофель фри и шоколадное парфе. Краем глаза он разглядывал беззаботных, жизнерадостных, вальяжных посетителей за соседними столиками, наделяя их романтическим ореолом, от которого эти его возможные сограждане по Среднему Западу ничуть не проигрывали. Школа свалилась с плеч, как ненужная ноша; она отзывалась лишь досадной суетой, и то где-то вдалеке. Он даже не сразу вскрыл засунутое в карман письмо, доставленное утренней почтой, поскольку оно пришло не куда-нибудь, а в школу.

Неплохо было бы заказать добавку парфе, но Бэзил не решился лишний раз беспокоить сбившегося с ног официанта и развернул перед собой листок. Письмо было от матери.

> ДОРОГОЙ БЭЗИЛ!
>
> Пишу в страшной спешке – не хотела тревожить тебя телеграммой. Дедушка уезжает за границу, на воды, и хочет, чтобы мы поехали вместе с ним. Ты сможешь закончить этот учебный год в Гренобле или в Монтре, выучишь язык, да и мы будем поблизости. Если, конечно, у тебя будет такое желание. Я знаю, как ты полюбил Сент-Реджис; там у тебя и футбол, и бейсбол – в Европе такого, конечно, не будет, но, с другой стороны, перемена обстановки тоже не помешает, если даже придется на год отложить поступление в Йель. Как обычно, даю тебе возможность выбора. Когда ты получишь это письмо, нам почти сразу придет время возвращаться домой; в Нью-Йорке мы остановимся в отеле «Уолдорф», можешь заехать к нам на пару дней, даже если решишь не бросать школу. Обдумай все хорошенько, сынок.
>
> С любовью к моему дорогому мальчику,
>
> *МАМА*

Бэзил вскочил со смутным намерением тут же отправиться в «Уолдорф» и забиться в какой-нибудь чулан до приезда матери. Потом, решив напоследок сделать красивый жест, он повысил голос, добавив в него своих первых басовых нот, и без стеснения подозвал официанта. Прощай, Сент-Реджис! Прощай, Сент-Реджис! Он задыхался от счастья.

«Господи! – безмолвно восклицал он. – Господи! Господи! Господи! Пропадите вы пропадом, доктор Бейкон, и мистер Руни, и Брик Уэйлз, и Толстый Гаспар. Пропадите вы пропадом, Багз Браун, и домашний арест, и кличка Пузырь». Они даже не стоили ненависти, потому что превратились в бессильные тени из застывшего мира, откуда он теперь ускользал, улетал и на прощанье помахивал рукой. «Счастливо оставаться! – снизошел он до них. – Счастливо оставаться!»

Его сентиментальную радость охладил только грохот Сорок второй улицы. Придерживая рукой бумажник, чтобы не стать жертвой вездесущих карманников, он осторожно двинулся в сторону Бродвея. Ну и денек! Надо будет сказать мистеру Руни… Можно туда не возвращаться! А может, лучше вернуться – пусть знают, чем он будет заниматься, оставив их прозябать в школе.

Дойдя до театра, он вошел в вестибюль и попал в женственную, припудренную атмосферу дневного спектакля. Вытаскивая из кармана свой билет, он обратил внимание на точе-

ный профиль в каких-то пяти шагах. Он принадлежал хорошо сложенному, светловолосому молодому человеку лет двадцати, с волевым подбородком и внимательными серыми глазами. Бэзил изо всех сил напряг извилины и вспомнил имя – более чем имя – легенду, знак небес. Ну и денек! Он никогда в жизни не встречал этого человека, но по тысяче виденных фотографий безошибочно определил, что это Тед Фэй, капитан футбольной команды Йеля, который минувшей осенью практически в одиночку порвал и Гарвард, и Принстон. Бэзила пронзила сладостная мука. Профиль отвернулся; толпа кишела; герой исчез. Но Бэзила не покидало чувство единения с Тедом Фэем, которое обещало остаться с ним до конца спектакля.

В шелестящем, шепчущем, сладко пахнущем полумраке зрительного зала он читал программку. Это был всем спектаклям спектакль, давняя его мечта; пока не подняли занавес, даже эта программка приобрела ореол святости, как предвестница настоящего зрелища. Но когда занавес поплыл вверх, она превратилась в ненужную бумажку, которую Бэзил небрежно уронил на пол.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. Лужайка в предместье Нью-Йорка.

Зрелище оказалось чересчур ярким и блескучим, чтобы воспринять его целиком; действие развивалось так стремительно, что Бэзил многого не уловил; пусть бы мама по приезде сводила его сюда еще разок… на следующей неделе… завтра…

Прошел час. На сцене теперь происходили очень грустные события; хоть и с юмором, но грустные. Девушка… мужчина. Что разлучало их даже сейчас? Ох уж эти трагические ошибки и недоразумения. Как печально. Неужели нельзя посмотреть друг другу в глаза и все понять?

В вихре света и звука, решимости, ожиданий и неминуемых бед первое действие завершилось.

Он вышел из зала. Поискал Теда Фэя и, кажется, заметил его у плюшевой торцевой стены, но не точно. Купил пачку сигарет, закурил и приготовился насладиться первой затяжкой, но тут загремела музыка, и он опрометью бросился обратно в зал.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. Вестибюль отеля «Астор».

Она и впрямь была, как пелось в арии, Прекрасной Розой Ночи. Вальс поднял ее над сценой, придал ей нестерпимой красоты и с последними аккордами плавно вернул, как невесомый листок, с небес на землю. Высший свет Нью-Йорка! У кого повернется язык осуждать, если ее закружил этот блеск и она исчезала в спелом утреннем янтаре оконных рам или растворялась в далекой чарующей музыке, когда открывалась и закрывалась дверь бального зала? Хвала сверкающему городу.

Прошло полчаса. Ее истинный возлюбленный подарил ей розы, похожие на нее, а она с презрением швырнула их к его ногам. Смеясь, она повернулась к другому и закружилась в танце – в безумном, неудержимом танце. Стойте! Это нежное сопрано тонких духовых, эта низкая, волнистая нота великолепных струнных. Проникновенный и щемящий, стремительный, как порыв чувства, летящий над сценой мотив снова подхватил ее, как беспомощный листок, покорный ветру:

Роза… Роза… Роза ночи
Расцветает с весенней луной.

Через несколько минут толпа подхватила Бэзила, до странности потрясенного и взволнованного, и вынесла в фойе. Взгляд его тут же упал на почти забытый, претерпевший удивительную метаморфозу призрак мистера Руни.

По правде говоря, мистер Руни явился в несколько разобранном виде. Во-первых, на нем была совсем другая шляпа – куда меньшего размера, нежели та, что днем. Во-вторых, лицо его утратило былую топорность и сделалось безмятежным и нежно-бледным; галстук, а отчасти и рубашка загадочным образом оказались поверх мокрого насквозь пальто. Как мистеру Руни удалось за недолгих четыре часа довести себя до такого состояния – это можно было объяснить разве что освобождением искрометного, вольнолюбивого духа из-под гнета школы для мальчиков. Мистер Руни был рожден для трудов под ясным светом небес и – видимо, полуосознанно – шел навстречу своей неизбежной участи.

– Л-л-ли, – невнятно произнес он, – пора те поумнеть. Я тя н-н-научу, как поумнеть.

Чтобы избежать угрожающей перспективы обучения прямо в фойе, Бэзил неловко сменил тему.

– Не желаете ли посмотреть спектакль? – осведомился он, польстив мистеру Руни предположением, что тот в состоянии смотреть спектакль. – Постановка великолепная.

Мистер Руни снял шляпу, под которой темнел колтун из мокрых волос. На миг у него в мозгу шевельнулось осознание реальности.

– Н-н-нужно ехать в школу, – мрачно и неуверенно выговорил он.

– Но спектакль еще не закончился, – в смятении запротестовал Бэзил. – Мне необходимо досмотреть последний акт.

Покачиваясь, мистер Руни разглядывал Бэзила, смутно понимая, что его судьба теперь в руках этого мальчишки.

– Л-л-ладно, – согласился он. – Возьму че-нибудь пожевать. Я тут рядом.

Сделав крутой разворот, он заковылял вниз и по дуге перебрался в соседнее здание, где находился бар. Бэзил, не чуя под собой ног, вернулся в партер.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. Сад на крыше дома мистера ван Астора. Ночь.

Прошло полчаса. Все должно было закончиться хорошо. Актер-комик превзошел самого себя, он с одинаковой готовностью то плакал, то смеялся, а в тропическом небе занималось ожидание счастья. Еще один пленительно-грустный дуэт – и долгий миг несравненной красоты внезапно завершился.

Обтекаемый толпой, Бэзил задумчиво стоял в вестибюле. Благодаря маминому письму и этому спектаклю он избавился от обид и от жажды мести – он стал таким, как прежде, и готовился совершить правильный поступок. Он спросил себя: правильно ли будет тащить мистера Руни в школу? Дойдя до питейного заведения, Бэзил осторожно приоткрыл болтающуюся на петлях дверь и заглянул внутрь. Он понял одно: у стойки мистера Руни не было. Тогда он немного побродил по улице и вернулся, чтобы сделать вторую попытку. Эти двери выглядели в его глазах как хищные челюсти; подобно любому несовременному мальчику со Среднего Запада, он испытывал ужас перед злачными местами. Третья попытка увенчалась успехом. За столиком в дальнем конце зала крепко спал мистер Руни.

В раздумье Бэзил опять походил туда-обратно. Что, если дать мистеру Руни полчаса? Если не очухается, придется уезжать без него. В конце-то концов, мистер Руни отравлял ему жизнь в течение всего футбольного сезона; теперь Бэзил мог просто на него забить, а через пару дней – и на всю школу.

Он опять стал мерить шагами улицу и в какой-то миг, окинув взглядом примыкающий к театру проезд, увидел вывеску: «Служебный вход». У него появился шанс поглазеть на выходящих актеров.

Бэзил выжидал. Навстречу ему ручейком текли женщины, но в ту пору Система Звезд еще не достигла своего апогея, а потому он решил, что эти невзрачные создания – в лучшем случае гардеробщицы. Внезапно среди них возникла девушка под руку с молодым человеком, и Бэзил отскочил в сторону, будто испугался, что его узнают, а потом бросился назад, задыхаясь, как от сердечного приступа: это была Она – хрупкая лучезарная красавица девятнадцати лет, а рядом с нею шагал Тед Фэй.

Рука об руку они прошли мимо; Бэзил невольно последовал за ними. Девичья головка склонялась к Теду Фэю, что придавало этой эффектной паре интимный вид. Перейдя на другую сторону Бродвея, они свернули к отелю «Никербокер», и Бэзил, по-прежнему державшийся шагов на двадцать позади, успел заметить, как они вошли в чайный салон, вытянутый вдоль фасада. Официант усадил их за столик для двоих, принял заказ, и они, оставшись наедине, пылко потянулись друг к другу. На глазах у Бэзила Тед Фэй сжал ее пальцы, обтянутые перчаткой.

Чайный салон был отгорожен только шеренгой елочек в кадках. Бэзил прошелся вдоль этого ряда и занял кресло, ближайшее к столику Теда Фэя.

Девушка говорила тихо, с запинкой, совсем не так уверенно, как на сцене, и очень грустно:

– Да, Тед, конечно, да.

На протяжении всего их долгого разговора она не раз повторила: «Да, Тед, конечно, да» и еще «Это не так, Тед». Слов Теда Бэзил не слышал.

– …говорит, через месяц и отсрочек больше не потерпит… В каком-то смысле да, Тед. Это трудно объяснить, но он так много делает для нас с мамой… Зачем себя обманывать?

– …

– …Это беспроигрышная роль, он мог поручить ее любой актрисе и сделать из нее знаменитость… Он необыкновенно заботлив. Я ему многим обязана.

От волнения у Бэзила обострился слух; Тед Фэй произнес:

– А еще говоришь, что любишь меня.

– Пойми, год назад, даже больше, я пообещала выйти за него замуж.

– Так открой ему правду – что полюбила меня. Попроси, чтобы он тебя освободил.

– Это тебе не оперетта, Тед.

– Так нечестно, – горько сказал он.

– Прости, Тед, милый, дорогой, но от таких разговоров я сойду с ума. Ты меня измучил.

– Я в любом случае уеду из Нью-Хейвена[13].

– Никуда ты не уедешь. Ты останешься, а весной начнешь играть в бейсбол. В самом деле, для этих ребят ты кумир! А если вдруг…

Он коротко засмеялся:

– Кто бы говорил о кумирах!

– А что такого? Я связана обязательствами перед Бельцманом; тебе надо принять то, с чем я уже смирилась: нам не суждено быть вместе.

– Джерри! Ты не ведаешь, что творишь! Всю жизнь я буду слышать этот вальс…

Бэзил встал со своего кресла и заспешил к выходу. Его обуревали эмоции. Он слышал немного, а понял еще меньше, но, исподволь заглянув в частную жизнь этих двоих (у чьих ног лежал весь охваченный его скромным опытом мир), он понял, что всем и каждому приходится бороться, и борьба эта, порой грандиозная со стороны, всегда оказывается тяжелой, на удивление примитивной и немного скучной.

[13] *Нью-Хейвен* – портовый город в одноименном округе штата Коннектикут на северо-востоке США, на берегу пролива Лонг-Айленд, в 120 км на северо-восток от Нью-Йорка и в 200 км на юго-запад от Бостона.

Их жизнь на этом не кончалась. Тед Фэй вернется в Йель, поставит на комод ее фотографию в рамочке, а весной начнет бегать между базами, выполнять броски через все поле и набирать очки… в восемь тридцать вечера будет подниматься занавес, но Она лишится чего-то теплого и юного, что было в ее жизни, – вот, к примеру, сейчас.

На улице стемнело, и Бродвей полыхал, как лесной пожар; Бэзил нога за ногу двигался на самый яркий свет. Он смотрел вверх, на пересечения огромных огненных плоскостей, с неизъяснимым ощущением одобрения и владычества. Теперь он мог бы видеть это часто, поверять свое неуемное сердце пульсом еще более неуемной нации… приезжать сюда всякий раз, когда сумеет вырваться из школы.

Но нынче все переменилось – он уезжал в Европу. Бэзил вдруг понял, что никуда не поедет. Он не мог сломать свою судьбу только ради того, чтобы избавить себя от пары месяцев боли. Покорение череды разных миров – школы, колледжа, Нью-Йорка – да, именно это было его мечтой, пронесенной от детства до юности, а он почему-то решил ей изменить в угоду горстке ровесников и позорно спрятаться в темном закоулке. Он задрожал, как выбегающий из воды щенок, и тотчас же вспомнил про мистера Руни!

Через несколько минут он вошел в бар и под любопытным взглядом буфетчика направился туда, где, сидя за столиком, спал мистер Руни. Бэзил потряс его за плечо – сначала осторожно, потом решительно. Мистер Руни зашевелился и начал изучать Бэзила.

– Взяться за ум, – сонно бормотал он. – Взяться за ум, а меня не трогать.

– Я уже, – сказал Бэзил. – Честное слово, я уже взялся за ум, мистер Руни. Пойдемте к умывальнику, почистимся, а в поезде вы сможете еще поспать, мистер Руни. Вставайте, мистер Руни, ну пожалуйста…

V

Время тянулось долго и мучительно. В декабре Бэзил опять получил взыскание и оставался под домашним арестом до весны. Избалованный матерью, он не привык методично работать, а исправить эту ошибку едва ли могла какая-нибудь сила, кроме самой жизни, но он раз за разом начинал все сначала, терпел крах и начинал сызнова.

После Рождества он подружился с парнем по фамилии Мейплвуд, но они поссорились из-за пустяка; в течение зимнего семестра, когда школа для мальчиков замыкается сама на себе и лишь в спортзалах отчасти дает выход своей природной жестокости, Бэзила постоянно шпыняли и третировали за придуманные и непридуманные грехи, и он большей частью слонялся в одиночестве. Но если посмотреть с другого бока, был ведь Тед Фэй, была патефонная пластинка «Роза ночи»… «Когда я буду слышать этот вальс»… и еще были огни Нью-Йорка, и планы действий на футбольном поле, начиная прямо с осени, и гламурный мираж Йеля, и обещание весны, что витало в воздухе.

Толстый Гаспар и еще несколько ребят стали относиться к нему по-человечески. Както раз они с Толстым случайно возвращались вместе из городка и разговорились об актрисах; впоследствии у Бэзила хватило ума не вспоминать тот разговор. Мелюзга вдруг решила, что он стоящий парень, а один из учителей, который раньше его не переваривал, положил руку ему на плечо, идя на урок. Со временем они все забудут – возможно, за одно лето. А в сентябре появятся другие заносчивые новички, так что для него учебный год начнется с чистого листа.

Как-то февральским днем на баскетбольной площадке произошло великое событие. Они с Бриком Уэйлзом играли за вторую команду на передней линии; в зале эхом отдавались резкие шлепки и пронзительные крики, обычные в пылу борьбы.

– Сюда!

– Билл! Билл!

Бэзил провел мяч через зону защиты, и Брик Уэйлз, оказавшийся без опеки, закричал:

– Сюда! Ли! Эй! Ли-и-ий!

Вспыхнув, Бэзил промазал. Его всегда окликали по прозвищу. Замена оказалась не слишком выгодной, но в ней было нечто большее, чем куцая односложность его фамилии, а тем более прямая насмешка. Брик Уэйлз как ни в чем не бывало продолжал игру, не ведая, что совершил нечто особенное или вызвал к жизни события, в результате которых армия озлобленных, эгоистичных, издерганных и несчастных уменьшилась на одного человека; нам не дано уловить те редкие мгновения, когда люди полностью открыты и одно легкое касание может оказаться пагубным или целительным. Чуть запоздай – и в этой жизни до них уже будет не достучаться. Их не излечит самое чудодейственное снадобье и не убьет самый острый меч.

Ли-и-ий! Так даже и не скажешь. Но в тот вечер Бэзил взял этот оклик с собой в постель, думал только о нем и радостно прижимал к груди, пока не погрузился в легкий сон.

Что он о себе возомнил?

I

В июне, после заключительных экзаменов, Бэзил Дюк Ли и пятеро других выпускников школы Сент-Реджис сели в поезд, идущий в западном направлении. Двое вышли в Питтсбурге, один сделал пересадку в Сент-Луисе и еще двое доехали до Чикаго; с этого момента Бэзил остался в одиночестве.

Первый раз в жизни ему захотелось покоя, но вздохнуть полной грудью не получалось: учебный год выдался неудачным, хотя к концу все кое-как утряслось.

В дорогу он надел шляпу дерби с почти плоской тульей, по моде двенадцатого года нынешнего века, и строгий синий костюм, из которого слегка выросло его тянущееся кверху тело. А душой он попеременно являл то бестелесного духа, что витает в облаках впечатлений и эмоций, практически не ощущая себя как личность, то напористого честолюбца, отчаянно пытающегося самостоятельно направлять стремительный поток событий, которые знаменовали его превращение из мальчика в мужчину. Он уверовал, что упорством можно добиться чего угодно – на этом принципе сейчас построена вся американская система образования, – а его фантастическое честолюбие постоянно задавало ему слишком высокий уровень притязаний. Он хотел стать выдающимся спортсменом – ярким, популярным и неизменно счастливым. В ходе минувшего учебного года в школе, где ему доставалось за «выпендреж», и предшествующих пятнадцати лет сугубо домашнего воспитания он приобрел склонность к ненужной рефлексии, а это препона для наблюдательности, с которой начинается мудрость. Понятное дело, для успешного покорения мира ему требовалось осознать, что он испытал себя в борьбе.

Во второй половине дня он слонялся по улицам Чикаго, избегая столкновений с преступными элементами. Купил детектив под заглавием «Во мраке ночи», а в пять часов забрал из вокзальной камеры хранения свой чемодан и сел в поезд, следовавший по маршруту Чикаго – Милуоки – Сент-Пол. В вагоне он сразу же увидел знакомое лицо: Маргарет Торренс, как и он сам, ехала домой на лето. Ей было четырнадцать; девушка серьезная, она по сложившейся традиции считалась красавицей, поскольку в детстве была прелестным ребенком. Полтора года назад, запыхавшись от долгой борьбы, Бэзил исхитрился поцеловать ее в лоб. Сейчас их встреча оказалась необычайно радостной; в первый миг каждый воплотил для другого родной дом, синие небеса прошлого и летние вечера будущего.

Они с Маргарет и ее матерью сидели теперь в вагоне-ресторане. Маргарет отметила, что это уже не тот сверх меры самоуверенный мальчик, какого она знала в прошлом году; живости в нем поубавилось, зато на лицо легла печать задумчивости (оставленная его недавним открытием, что у других людей тоже есть воля, причем не слабее, чем у него, да еще и авторитет – посолиднее), которую Маргарет истолковала как милую грусть. В его облике все еще сохранялось памятное ей выражение успокоенности после борьбы. Он всегда ей нравился: Маргарет принадлежала к тому типу дисциплинированных, старательных школьниц, которым он порой внушал симпатию, но не мог ответить взаимностью; теперь ей не терпелось рассказать всем и каждому, что он – просто чудо.

После ужина, заметно продвинувшись в западном направлении среди темных, обширных фермерских угодий, они вернулись в экскурсионный вагон и устроились в безлюдном открытом отсеке. Разговор у них шел о знакомых, о поездках во время пасхальных каникул, о пьесах, которые удалось посмотреть в Нью-Йорке.

– Бэзил, мы покупаем автомобиль, – сообщила она, – и я буду учиться вождению.

– Великолепно. – Он был далеко не уверен, что этим летом дед пустит его за руль допотопного электромобиля.

Свет из вагона падал на юное личико, и Бэзил, радуясь скорому возвращению домой, невольно выпалил:

– Знаешь что? Известно ли тебе, что ты – самая красивая девочка в городе?

В тот миг, когда эта фраза слилась в сердце у Маргарет с волнующими сумерками, появилась миссис Торренс и увела дочку спать.

Почти не заметив ее ухода, Бэзил еще часок посидел на свежем воздухе; он достиг душевного равновесия и не возражал, чтобы зыбкость и неопределенность продлились до завтра.

II

Пятнадцать лет – самый неуловимый возраст; на него невозможно указать пальцем, чтобы объявить: «Я был таким-то и таким-то». Меланхоличный Жак[14] вообще предпочитает на нем не останавливаться; с уверенностью можно сказать только одно: где-то между тринадцатью – границей детства, и семнадцатью, когда удается сойти за взрослого, есть промежуток, в котором юность ежечасно пульсирует между одним миром и другим, бесконечно подталкиваемая вперед, к неизведанному, и тщетно рвущаяся назад, к тому времени, когда все достается бесплатно. Хорошо, что наши сверстники не больше нашего помнят о том, как мы вели себя в ту пору; однако сейчас придется слегка приподнять занавес, чтобы рассмотреть летнее помешательство Бэзила.

Начать с того, что Маргарет Торренс в порыве идеализма, от которого не застрахована ни одна прозаическая девушка, пришла к восторженному заключению, что Бэзил – верх совершенства. Ее подружки, которые весь год учились принимать слова на веру, а сейчас на время лишились четкого предмета веры, восприняли это как факт. Бэзил в одночасье сделался легендой. Когда девушки сталкивались с ним на улице, его провожали взрывы смешков, но он ровным счетом ничего не подозревал.

Как-то вечером, после ужина, через неделю после приезда, они с Рипли Бакнером отправились к Имоджен Биссел; у той собиралась компания. Когда они шли по дорожке к веранде дома, Маргарет и две ее подруги сбились в кучку, лихорадочно зашептались и с нечленораздельными криками стали носиться по саду; эту необъяснимую выходку остановило только прибытие Глэдис ван Шеллингер, которую мать с нежностью и помпой доставила в лимузине.

Все они успели отвыкнуть друг от друга. Те, кто учился в Новой Англии, ощущали некоторое превосходство, которое, впрочем, полностью уравновешивалось тем обстоятельством, что они, как ни прискорбно, упустили из виду романтические истории, ссоры, авантюры и приступы ревности, случившиеся в их отсутствие.

Поев, как водится, мороженого ровно в девять вечера, они расселись на теплых каменных ступенях, втайне теряясь между детским поддразниванием и юношеским флиртом. Еще в прошлом году мальчики гоняли бы по двору на велосипедах; сейчас они выжидали.

Все, от самых невзрачных девушек до самых застенчивых юношей, знали, что будет дальше; они уже начали переносить на других романтику летних вечеров, глубоко и сла-

---

[14] *Меланхоличный Жак* – персонаж комедии У. Шекспира «Как вам это понравится», вельможа, состоящий при изгнанном герцоге. В знаменитом монологе «Весь мир – театр» Жак описывает «семь действий в пьесе», то есть семь основных этапов человеческой жизни. От детства – «плаксивый школьник с книжной сумкой, с лицом румяным, нехотя, улиткой ползущий в школу» – Жак, не останавливаясь на ранней юности, сразу переходит к более позднему этапу: «любовник, вздыхающий, как печь» (Цит. по: *Шекспир У.* Как вам это понравится / Пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник / Полн. собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1959. Т. 5. С. 47).

достно бередившую их чувства. Прерывистое многоголосие их болтовни резало слух миссис Биссел, которая читала подле распахнутого окна.

– Нет, осторожней. Сломаешь. Бэ-зил!

– Рипли-и-и!

– Уже сломал!

Хохот.

– …и Лунный залив
Растревожили голоса…

– А ты видел…

– Конни, прекрати… хватит! Щекотно. Ну, берегись!

Смех.

– Махнем завтра на озеро?

– Я в пятницу.

– Элвуд объявился.

– В самом деле?

– «…сердце разбила мне…»

– Сейчас получишь!

– Сам получишь!

Под пение Джо Гормана Бэзил устроился рядом с Рипли на балюстраде. Сам он всю жизнь переживал, что не способен петь так, «чтобы у людей не вяли уши», и теперь вдруг зауважал Джо Гормана, перенеся на его личность волнующую чистоту звуков, уверенно прорезавших темный воздух.

– Ну, берегись!

Они вызвали в памяти у Бэзила другой, более захватывающий вечер и совсем других девушек – далеких и чарующих. К его сожалению, голос умолк и в деловитой тишине начались перемещения: назревала извечная игра «на откровенность».

– Какой твой любимый цвет, Билл?

– Зеленый, – подсказывают рядом.

– Ш-ш-ш! Пускай сам скажет!

Билл выдавливает:

– Синий.

– Любимое женское имя?

– Мэри, – отвечает Билл.

– Мэри Хаупт! Билл втюрился в Мэри Хаупт!

Эта косенькая девушка была пресловутым воплощением непривлекательности.

– Кого бы тебе хотелось поцеловать?

– Маму.

– Нет, так не пойдет: какую девочку?

В темноте повисла пауза, которую пронзил смешок.

– Никакую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.